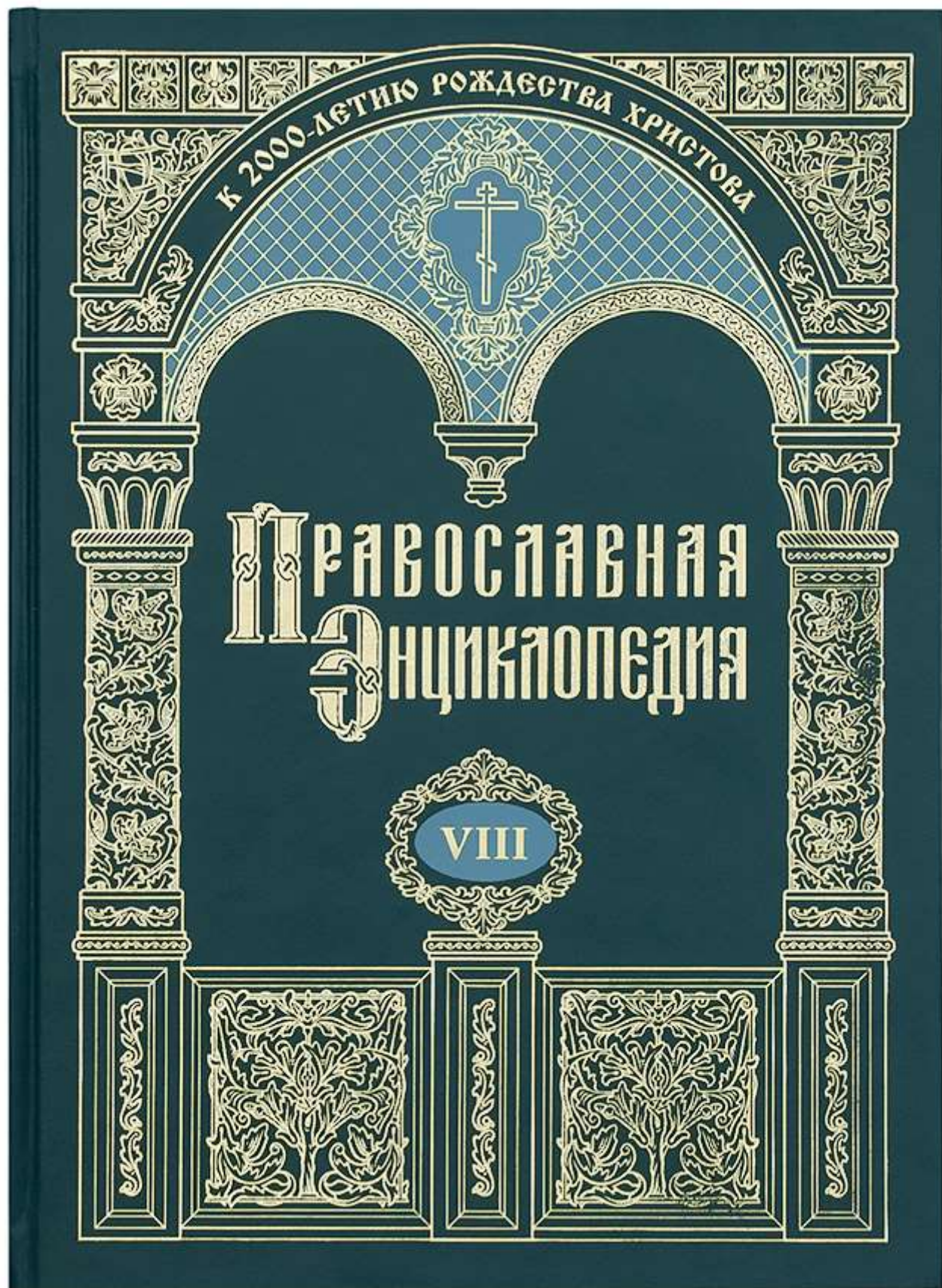

TEZĂUR LITURGIC
15 IULIE

SF. CNEAZ
VLADIMIR-VASILE
CEL MARE
AL RUSIEI

ENCICLOPEDIA ORTODOXĂ-08
MOSCOVA, 2004

Добро пожаловать в один из самых полных сводов знаний по Православию и истории религии Энциклопедия издается по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и по благословению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

Как приобрести тома "Православной энциклопедии"

<u>0</u>	<u>1</u>	<u>2</u>	<u>3</u>	<u>4</u>	<u>5</u>	<u>6</u>	<u>7</u>	<u>8</u>	<u>9</u>	<u>10</u>	<u>11</u>	<u>12</u>	<u>13</u>	<u>14</u>	<u>15</u>	<u>16</u>	<u>17</u>	<u>18</u>	<u>19</u>
<u>20</u>	<u>21</u>	<u>22</u>	<u>23</u>	<u>24</u>	<u>25</u>	<u>26</u>	<u>27</u>	<u>28</u>	<u>29</u>	<u>30</u>	<u>31</u>	<u>32</u>	<u>33</u>	<u>34</u>	<u>35</u>				
<u>36</u>	<u>37</u>	<u>38</u>	<u>39</u>	<u>40</u>	<u>41</u>	<u>42</u>	<u>43</u>	<u>44</u>	<u>45</u>	<u>46</u>	<u>47</u>	<u>48</u>	<u>49</u>	<u>50</u>	<u>51</u>				
<u>52</u>	<u>53</u>	<u>54</u>	<u>55</u>	<u>56</u>	<u>57</u>	<u>58</u>	<u>59</u>	<u>60</u>	<u>61</u>	<u>62</u>									

Т. 8, С. 690-718

Источники

- ☐ История до Крещения
- ☐ Крещение
- ☐ История после Крещения
- ☐ Судьба останков В. С.
- ☐ Церковное почитание
- ☐ В. С. в богослужебных текстах
- ☐ Прижизненные изображения В. С.
- ☐ Миниатюры лицевых летописей
- ☐ Иконография В. С. в XIV-XVII вв.
- ☐ Житийные циклы
- ☐ Иконография В. С. в украинском искусстве
- ☐ Иконография В. С. в искусстве Нового времени

ВЛАДИМИР (ВАСИЛИЙ) СВЯТОСЛАВИЧ

(ок. 960 - 15.07.1015, с. Берестово под Киевом), равноап. (пам. 15 июля и 10 окт.- в Соборе Волинских святых), кн. киевский (978-1015), креститель Руси, сын киевского кн. Святослава Игоревича (ок. 960-972), внук равноап. киевской кнг. Ольги († 969).

Источники

Главным источником сведений о В. С. является древнерус. летописный свод нач. XII в.-

Повесть временных лет (ПВЛ), к-рая объединяет летописные заметки и ранние житийные предания о князе. Однако этот корпус сведений сложился, несомненно, раньше, т. к. частично он содержится в Начальном своде, созданном, по весьма основательной гипотезе А. А. Шахматова, в 90-х гг. XI в. и отразившемся в Новгородской I летописи младшего извода. По-видимому, к нач. XII в. в своей основе также относится Память и похвала Иакова Мниха, к-рая в Краткой редакции является древнейшим собственно житийным произведением о В. С., включившим в себя сверх того древний краткий летописчик со сведениями, иногда заметно отличающимися от ПВЛ. В рукописной традиции более распространено др. Житие В.

С., среди многочисленных списков к-рого исследователи выделяют 4 древнейшие разновидности (помимо смешанных компилятивных форм): Проложное житие (старшие списки относятся к XIII в., само житие, возможно, составлено в 3-й четв. XII в.); «Обычное житие», существующее в Пространной (древнейший список - Мусин-Пушкинский 1414 г.) и Краткой редакциях (старшие списки - нач. XVI в.); «Слово о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь» (в составе Киево-Печерского патерика Феодосиевской редакции и в отдельных списках 1-й пол.- сер. XV в.), Легендарное житие (в Плигинском сб. XVII в., памятник, вероятно, старше 1-й пол. XV в.). Рассказ «Обычного жития» в целом совпадает с летописным, хотя более сжат (отсутствуют «Речь философа» и др.), в то же время он содержит нек-рые неизвестные летописи детали (послы В. С. пребывают в Царьграде 8 дней, осада Корсуни длится 6 месяцев и т. п.), а также заключительный молитвенный призыв к равноап. Константину и В. С. избавлять от бед «люди... греческия и руския». Житийные тексты о В. С. изданы и изучены недостаточно, поэтому нельзя с определенностью ответить на вопрос, зависит ли житийный рассказ от

летописного, или же они перерабатывают какой-то общий источник. Нек-рые отсутствующие как в ПВЛ, так и в Житии детали о Крещении В. С. и киевлян находятся в разных редакциях Проложного жития В. С. Т. н. Церковный устав св. Владимира, дошедший в многочисленных редакциях, к-рые восходят, согласно Я. Н. Щанову, к общему архетипу XII в., имеет в первоначальной основе установления эпохи В. С.

Равноап. кн. Владимир. Фрагмент иконы «Преподобный Афанасий, равноапостольный князь Владимир, пророк Илия». Новгород. XVI в. (?)

Довольно разнообразные свидетельства о В. С. содержатся в латиноязычных памятниках - послании к герм. кор. Генриху II архиеп.-миссионера Бруно Кверфуртского (1008) и хронике саксонца Титмара Мерзебургского (1012-1018). В прочих

содержатся почти только сведения о внешнеполитических обстоятельствах Крещения В. С.: в визант. хронике Иоанна Скилицы (создана на рубеже XI-XII вв., но использовала достоверные источники 2-й пол. X в.), в арабо-сир. хронике весьма осведомленного Яхьи Антиохийского (ум. ок. 1066), в сочинении араба Абу Шоджи ар-Рудравери (ум. в 1095), в арм. хронике Степаноса Таронеци (нач. XI в.).

История до Крещения

Год рождения В. С. неизвестен. На уникальное сообщение «Летописца Переяславля Суздальского» (XIII в., сохр. в единственном списке 3-й четв. XV в.) о 73 годах как возрасте князя ко времени его кончины (ПСРА. Т. 41. С. 44) полагаться трудно по неясности происхождения этой информации и, главное, по сбивчивости хронологии «Летописца» (так, смерть В. С. датирована в нем 6543, т. е. 1035 (!) г.). Подсчеты на основании возраста Святослава (род. за 3-5 лет до гибели своего отца киевского кн. Игоря, происшедшей не ранее зимы 944/5) и более или менее надежных фактов биографии самого В. С. (рождение старшего сына кн. Вышеслава не позднее 978 и др.) приводят к приблизительному разбросу дат

от 955 до 963 г., причем наиболее вероятной выглядит дата ок. 960 г. Такому заключению вряд ли противоречит известие Титмара, что В. С. умер «глубоким стариком» («decrepitaе aetatis») и «ветхим деньми» («plenus dierum») (Thietm. VII, 73-74. Р. 488; Назаренко. Немецкие латинояз. источники. С. 136, 141), поскольку впечатление от возраста ок. 55 лет, и без того весьма почтенного по понятиям средневековья, могло усугубляться необычайной длительностью киевского княжения В. С. (без малого 40 лет). Матерью В. С., согласно ПВЛ, была «ключница» св. кнг. Ольги Малуша, дочь некоего «Малька Любечанина» (т. е. уроженца г. Любеча близ впадения Десны в Днепр). Тот факт, что В. С. был сыном несвободной наложницы («робичичем»), а также близость имен давали повод нек-рым исследователям (Д. И. Прозоровский, Шахматов и др.) для едва ли основательного предположения о Малуше как рабыне-пленнице, дочери Мала, князя восточнослав. племени древлян, соседнего с киевскими полянами, к-рый возглавил древлянское восстание против власти Киева ок. 945 г. Распространенная в историографии характеристика В. С. как «незаконнорожденного» является модернизацией, поскольку происхождение от

наложницы в древнерус. княжеском семействе раннего средневековья, как и в целом в Европе того времени, обычно не влекло за собой ущемления династических прав. Об этом свидетельствует и данное В. С. при рождении ярко выраженное княжеское имя. Не лишено вероятности предание, отразившееся в нек-рых поздних (XVI в.) летописных сводах (Никоновской летописи, Устюжском летописном своде), что В. С. родился в с. Будутине под Псковом, куда будто бы отослала Малушу разгневанная Ольга, хотя его основа и осложнена явными несообразностями (так, Ольга не могла завещать Будутино «Святей Богородици», т. е. Десятинной церкви, тогда еще не существовавшей) (ПСРА. Т. 9. С. 35; Т. 37. С. 60). Часто предполагают, что детство В. С. и его братьев Ярополка и Олега (сыновей Святослава от др. матери) из-за постоянных длительных военных отлучек Святослава из Киева прошло под опекой их бабки св. кнг. Ольги, что якобы не могло не сказаться на отношении Святославичей к христианству, хотя крещены они не были вслед. антихрист. настроений Святослава. Не исключая влияния кнг. Ольги на юных внуков, следует в то же время помнить, что в Др. Руси воспитание княжичей с детского возраста доверялось, как

правило, нарочно для этого приставленным пестунам - представителям старшей дружины, опытным в военных и гос. делах. В этой роли рядом с В. С. мы видим Добрыню, его дядю по матери. Отправляясь после смерти кнг. Ольги в 969 г. во 2-й балканский поход, кн. Святослав выделил сыновьям уделы, причем В. С. достался Новгород, куда он отправился вместе с Добрыней. Это говорит о том, что княжич был скорее всего не младшим среди братьев, как часто, но без видимых оснований считается, а следующим по старшинству после Ярополка, получившего Киев, поскольку в то время новгородский стол был 2-м по важности после Киева (Олег получил землю древлян). Рассказ ПВЛ, будто новгородцы остановили свой выбор на В. С., т. к. получили отказ от Ярополка и Олега, следует, очевидно, признать позднейшим тенденциозным антиновгородским вымыслом.

Посольство кн. Владимира к Рогволоду
Полоцкому с целью сватовства к Рогнеде.
Беседа Рогволода с Рогнедой, отказавшейся

стать женой Владимира. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5. Л. 42 об.)

Через нек-рое время после гибели Святослава (весна 972) между его сыновьями разгорелась междоусобная война, в результате к-рой сначала в борьбе с Ярополком погиб Олег, а затем из опасения перед старшим братом бежал «за море» В. С., после чего Новгород оказался в руках киевского князя. Вернувшись с наемным варяжским войском, В. С. отвоевывает Новгород, сватается к Рогнеде, дочери полоцкого кн. Рогволода, получает отказ, захватывает Полоцк, убивает Рогволода и овладевает Рогнедой, идет на Киев, берет его и убивает Ярополка, к-рый сдался на милость победителя. Так излагает дело ПВЛ, хотя не вызывают доверия ни мотивация конфликта (якобы убийство по приказу Олега Святославича видного киевского дружинника Люта Свенельдича, к-рый нарушил границы охотничьих угодий древлянского князя), к-рая при ближайшем текстологическом рассмотрении выдает свое искусственное происхождение, ни хронология междоусобия, как она представлена в ПВЛ: 975/76 г.- убийство Люта, 977/78 г.- гибель кн. Олега и

бегство В. С. из Новгорода, 980/81 г.-
 возвращение В. С., взятие им Полоцка, поход
 на Киев и вокняжение там. Значительно более
 вероятной датой начала киевского княжения В.
 С. (вернее, убийства им кн. Ярополка) является
 сообщаемая в кратком летописчике Иакова
 Мниха - 11 июня 978 г., тем более что и в ПВЛ
 в др. месте говорится о 37 годах правления В.
 С. в Киеве (ПСРА. Т. 1. Стб. 18; Т. 2. Стб. 13);
 980/81 год появился, надо думать, в результате
 неудачных подсчетов самого летописца. Но
 если принимать 11 июня в качестве дня
 вокняжения В. С. в Киеве, то событиям, к-рые
 в ПВЛ помещены между возвращением В. С.
 «из-за моря» (сделать это он мог только с
 началом навигационного сезона, после
 освобождения Финского зал. от льдов) и
 взятием им Киева, очень трудно уложиться в 2-
 3 месяца. Едва ли подлежит сомнению, что
 приведенные хронологические вехи усобицы
 Святославичей условны и являются более
 поздними добавлениями к первоначальному
 рассказу, не разделенному на годовые статьи,-
 вроде того известия, фрагменты к-рого
 сохранились в летописчике Иакова Мниха.
 Ясно одно: незадолго до 978 г. между
 Святославичами вспыхнула борьба за власть, в
 ходе к-рой и кн. Ярополк (когда в Полоцк

прибыли сваты от В. С., кнж. Рогнеду, согласно летописному преданию, собирались «вести» за Ярополка), и В. С. стремились привлечь на свою сторону Полоцк, в к-ром правил тогда не зависевший от Киева князь. Совокупность данных - сведений нем. источников о династическом союзе Ярополка и герм. имп. Оттона II (973-983), чехо-моравского предания об удалении в Чехию сына кн. Олега Древлянского, свидетельства перечня сыновей В. С., согласно к-рому первой женой князя была «чехиня» (ПСРА. Т. 1. Стб. 79-80, 121; Т. 2. Стб. 67, 105; НПА. С. 128, 159; Жития св. мучеников Бориса и Глеба. С. 27-28) и др.- позволяет выдвинуть гипотезу (А. В. Назаренко), что юные Святославици, видимо, оказались втянуты в длительную и ожесточенную борьбу Оттона II против чешско-польск. коалиции, к-рая определяла политические союзы в Центр. Европе 70-х гг. X в., причем киевский князь оказался на стороне герм. императора, а новгородский и древлянский князья - на стороне его противников Болеслава II Чешского (967/972-999) и Мешко I Польского (ок. 960-992).

Крещение кн. Владимира. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 62 об.)

Так или иначе, с 978 г. начинается киевское княжение В. С., 10-летний языческий период которого в древнерус. источниках довольно подробно охарактеризован в отношении семейных обстоятельств князя, его военно-политической деятельности и его религ. поисков, приведших к Крещению.

Передача царевной Анной послания кн. Владимиру с советом скорее креститься, чтоб избавиться от болезни глаз. получение Владимиром послания. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Кон. XV в. (БАН.34.5.30. Л. 62)

Источники (не только древнерус., но и Титмар) уделяют много внимания женолюбию В. С. языческого периода. Помимо многочисленных наложниц в загородных резиденциях киевского князя (Вышгороде, Белгороде и Берестове) упомянутый перечень сыновей В. С. называет 4 «водимых» к князю, ставших матерями его сыновей. Смысл слова «водимыя» не вполне ясен; во всяком случае оно означало отнюдь не только жен по браку, т. к. Рогнеда, мать князей Изяслава, Ярослава (см. Ярослав (Георгий) Владимирович Мудрый) и Всеволода, была полонянкой и, следов., несвободной, а о «грекине», вдове кн. Ярополка и матери кн. Святополка, летописец прямо говорит, что В. С. «залеже ю не по браку». Вероятно, полонянкой была и «болгарыня», мать св. князей Бориса и Глеба. Т. о., собственно женами В. С.-язычника были, видимо, 2 «чехини»: мать кн. Вышеслава, первенца В. С., и др.- мать Святослава и Мстислава. Несомненно, у В. С. были сыновья и от др. женщин: поименно называются только князья Станислав, Судислав и Позвизд, так что количество известных сыновей князя достигает обремененного евангельскими ассоциациями числа 12. Относительно младших из них, по крайней мере относительно Бориса и Глеба, есть основания полагать, что они родились уже

после христ. брака В. С. с визант.
царевной Анной.

Собор Киево-Печерских святых. В центре -
равноап. кн. Владимир. Эмаль. Сер. XIX в.
(ЦМиАР)

Как то бывало и раньше (напр., после гибели кн. Игоря), династические неурядицы в Киеве сопровождались ослаблением или даже полным прекращением даннической зависимости от него ряда восточнослав. племен. Первые годы киевского княжения В. С. летопись рисует как цепь военных предприятий, направленных на восстановление такой зависимости: в 981/2 и следующем году - против вятичей на средней Оке, в 984/5 г.- против радимичей на р. Сож (левый приток Днепра). С восстановлением пресекшейся после смерти кн. Игоря власти Киева над племенами зап. окраин Древнерусского гос-ва - восточнослав. хорватами (в верховьях Днестра) и

западнослав. лендзянами (видимо, к западу от верховьев Зап. Буга) был связан поход, к-рый в ПВЛ отнесен к 981/82 г. и охарактеризован как поход «к ляхом». Это дает основания заключить, что В. С. в качестве киевского князя, вероятно, унаследовал союз с Германией и войну против Чехии и Польши, начатую его предшественником кн. Ярополком.

Непосредственным продолжением этого похода стала победа В. С. над балтским племенем ятвягов (между Зап. Бугом и средним Неманом), к-рая закрепила позиции

Древнерусского гос-ва в будущей Берестейской вол. (по летописи, в 983/84). К

противоположной, сев.-вост., окраине Руси был направлен поход против волжских булгар, завершившийся заключением долгосрочного русско-булгарского мира (985/86, по

летописной хронологии). Аналогичный, но не вполне совпадающий перечень походов В. С.

язычника имеется и в летописчике Иакова

Мниха, в к-ром отсутствует поход «к ляхом», но

зато добавлен поход против хазар (видимо, продолживший дело кн. Святослава по

разгрому Хазарского каганата ок. 965) и, кроме

того, ятвяжский поход помещен не до, а после радимичского. Вне сомнения, хронологическое

приурочение походов В. С. в ПВЛ страдает той

же условностью, что и хронология усьобицы Святославичей. Так, по данным зарубежных источников, поход «к ляхом» скорее всего следовало бы датировать не 981/82, а 979 г.

Равноап. кн. Владимир. Роспись собора Рождества Богородицы Ферапонтова мон-ря. Мастер Дионисий. 1502-1503 гг.

Наряду с военно-политической активностью В. С. принял меры по внутренней консолидации Древнерусского гос-ва. Именно в этом плане следует рассматривать те шаги нового киевского князя, к-рые принято характеризовать как «языческую религиозную реформу». ПВЛ описывает ее как установление на Старокиевской горе, рядом с княжеским двором, «кумиров»: Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Семаргла и Мокоши, к-рым были установлены жертвоприношения, в т. ч. человеческие. С остатками этого святилища ряд

совр. археологов отождествляют обнаруженную при раскопках 1975 г. в 50-60 м к юго-востоку от буд. Десятинной ц. каменную вымостку (1,75-7 м) с 6 полукруглыми выступами (по числу идолов) и остатками большого кострища (Толочко П. П. Др. Киев. К., 1983. С. 40-42), хотя, согласно ПВЛ, капище, устроенное В. С., находилось на месте ц. во имя свт. Василия (снесенной в 30-х гг. XX в.), т. е. на вост. краю Киева внутри Владимировых стен. Зачастую этот языческий пантеон В. С. расценивают как «дружинный», для чего не видно достаточных оснований: вряд ли Перун в списке «кумиров» В. С. стоит на 1-м месте потому, что Громовержец был специфически дружинным божеством, ведь он издавна, не позднее VI в. (*Procop. Bella. Vol. 2. P. 357 = De bello Goth. III 14, 23-24*), считался главным богом слав. язычества. О дружинном характере пантеона В. С. нельзя судить и по отсутствию в нем столь почитавшегося слав. божества, как *Велес*, «скотьего» (т. е. пастушеского, крестьянского) бога, поскольку в слав. мифологии Велес был божеством «нижнего мира» и потому его идол мог стоять не на горе, а в нижнем городе - на Подоле, по крайней мере именно здесь, на берегу р. Почайны, он упомянут в Житии кн. Владимира (Срезневский. Память и похвала. С.

10; Голубинский. История РЦ. Т. 1. С. 231; Серебрянский. С. 20). Не был новым и сам состав пантеона В. С. Наряду с общеслав. божествами, имеющими балтские параллели (Перуном, Мокошью, Велесом и др.) в нем присутствуют теонимы иран. (сармато-аланского) происхождения (Хорс, Семаргл), из чего можно сделать вывод, что перед нами скорее всего синкретический южнорус. или собственно киевский пантеон, каким он сложился конечно же задолго до В. С. И тем не менее «возвижение кумиров» В. С. явно носит характер целенаправленного мероприятия княжеской власти. Капище было вынесено за пределы «двора теремного», т. е. княжеского дворца (археологические остатки более раннего языческого святилища обнаруживаются в центре довлاديمирова города: Каргер М. К. Др. Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 105-112), так что богослужение из частного, династического, стало публичным гос. актом, как он красочно описан в ПВЛ в статье 983/84 г. после похода на ятвягов, когда В. С. «приде Кыеву и творяше потребу (благодарственную.- А. Н.) кумиром с людьми своими», со «старцами и боярами» (ПСРА. Т. 1. Стб. 82; Т. 2. Стб. 69). Судя по тому, что Добрыня, к-рого В. С. сделал посадником в Новгороде, также «постави

Перуна кумир над рекою Волховом» (Там же. Т. 2. Стб. 79; НПА. С. 128), аналогичные действия были предприняты и в др. городских центрах Руси. Кроме того, в засыпке фундаментных ям в основаниях идолов на святилище, вскрытом в 1975 г., обнаружены обломки плинфы и штукатурки со следами фресковой живописи. Это значит, что строительство святилища, весьма возможно, сопровождалось разрушением каменной церкви (церквей?) и, следов., было сознательной языческой реакцией в правление нового князя.

Крещение

Из всей совокупности данных Крещение В. С. и его деятельность по христианизации Руси предстает как сознательный, целенаправленный выбор, обусловленный как личными религ. исканиями князя, так и совокупностью внутренних (неудовлетворительность язычеством и в религ. отношении, и в качестве государственно-консолидирующего идеологического фактора) и внешних (необходимость вступления Руси в семейство христ. держав) политических причин. История обращения В. С. изложена в ПВА под 986/87-987/88 гг. в виде «Сказания об испытании (или выборе) вер», частью к-рого является проповедь прибывшего в Киев к В. С.

греч. проповедника, получившая в науке название «Речи философа». В «Сказании» повествуется о последовательном приходе к В. С. посольств от мусульман (волжских булгар - «болгары веры Бохъмиче»), латинян («немьци от Рима»), хазарских иудеев (иудаизированных хазар?) («жидове козарьстии») и, наконец, из Византии, каждое из к-рых убеждает киевского князя принять их веру. По разным причинам В. С. отказывает первым 3 посольствам и благосклонно выслушивает пространную «Речь философа», к-рый кратко опровергает учение мусульман, латинян и иудеев, сжато излагает ветхозаветную историю, ветхозаветные пророчества об отвержении иудеев и пришествии Спасителя, затем переходит к событиям новозаветным и, наконец, производит большое впечатление на князя, нарисовав перед ним яркую картину Страшного Суда. После чего В. С. по совету дружины отправляет собственные посольства «в болгары», «в немьци» и «в греки» (о «жидах козарьстих» на этот раз речи нет) «испытати... их службу». Побывав в мусульм. мечети, лат. церкви и на Патриаршей службе в Царьграде, рус. послы возвращаются, пораженные красотой греч. богослужения («не свемы, на небе ли есмы были ли на земли»). В результате

В. С. и дружина решают принять «закон гречьский» еще и потому, что именно его в свое время приняла кнг. Ольга. Далее, в статье 988/89 г., следует рассказ о походе В. С. на Корсунь и Крещении там.

Равноап. кн. Владимир, святые князья Борис и Глеб. Фрагмент иконы «Благославленно воинство Небесного Царя» из Успенского собора Московского Кремля. Сер. XVI в. (ГТГ)

Летописное «Сказание об испытании вер», включая «Речь философа», текстологически изучено недостаточно, чтобы дать вполне определенный ответ на вопрос об их источниках, времени их составления и соответственно их достоверности. Ясно, что в ряде моментов «Сказание» воспроизводит более или менее популярные лит. трафареты: ср., напр., эпическое предание о принятии хазарами иудаизма после прений между греч., иудейскими и араб. «мудрецами», письменно зафиксированное в разных версиях ок. сер. X в. (Коковцов П. К. Еврейско-хазарская

переписка в X в. Л., 1932. С. 78-80, 94-97, 114; Голб К., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 1997. С. 138-140), или диспут о вере равноап. Кирилла (Константина) при дворе хазарского кагана, описанный в главах 10-11 Жития Кирилла (Константина). Картина Страшного Суда как катехизаторский прием присутствует также в визант. рассказах об обращении крестителя болгар равноап. кн. Бориса (*Theoph. Contin. IV 15. P. 164; Scyl. P. 91*).

Равноап. кн. Владимир. Миниатюра из старообрядческой рукописи Жития кн. Владимира. 1-я треть XIX в. Выголексинский мон-рь (ГИМ. Муз. 3031. № 404)

В то же время трудно сомневаться в том, что в традиц. лит. форму облечены припоминания о нек-рых достоверных внешнеполитических контактах В. С., имевших религ. подоплеку. Так, в сочинении араб. писателя Марвази (ум. ок. 1120) сохранилось уникальное известие,

вероятно, хорезмийского происхождения (заимствованное потом персид. писателем 1-й трети XIII в. Ауфи) о посольстве в Хорезм рус. князя, прозывавшегося (Марвази принял имя князя за его титул) Владимир (у Ауфи - Буладмир), с целью принятия им ислама (Марвази анахронично относит это посольство ко времени после Крещения В. С. и Руси) (Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Вост. Европе. М., 1967. Т. 2. С. 146-147; Kawerau. Arabische Quellen. S. 25, 46-47). Имеются косвенные сведения и о связях В. С. в 982-983 гг. с герм. имп. Оттоном II, вслед. чего на Русь попадают медальоны с изображением Оттона и его супруги гречанки Феофано, венчаемых Христом. Эти данные позволяют думать, что летописец подверг радикальной лит. переработке достоверное в своей исторической основе древнерус. предание о выборе веры В. С.

Церковь во имя равноап. кн. Владимира в «Старых садах». Архит. Алевиз Новый. 1514-

1516 гг., перестраивалась в 1625, 1689 гг. и в кон. XVIII в. Фотография. 2004 г.

В процессе этой лит. обработки в «Сказание» была включена и «Речь философа», происхождение к-рой остается спорным. Так, А. С. Львов обнаруживал в ее языке западнослав. и восточноболг. черты, а потому считал, что она первоначально представляла собой самостоятельный памятник - переработанный слав. перевод визант. гомилетического сочинения, сделанный в Моравии в кирилло-мефодиевскую эпоху и попавший на Русь через восточноболг. посредство. Шахматов признавал, что в основе «Речи философа» лежит более древний летописный рассказ об обращении В. С., являвшийся переработкой болг. повести о Крещении царя Бориса. В то же время исследователь указывал, что в «Речи» имеются обширные текстологические схождения с Палеей в ее разных редакциях. И если сходство с Толковой Палеей можно объяснить зависимостью последней от «Речи философа», то Краткая Палея и «Речь» пользовались, по наблюдениям Шахматова, общим источником, в к-ром историк видел древнейшую рус. переводную хронографическую компиляцию -

т. н. Хронограф по великому изложению. В таком случае «Речь философа» и «Сказание об испытании вер» в целом в их окончательном виде следовало бы датировать сер. 90-х гг. XI в.- временем создания в Киево-Печерском монастыре летописного Начального свода, предшественника ПВЛ. Дошедший в 2 списках XV в. греч. рассказ о Крещении Руси («Аноним Бандури», или *«Бандуриева легенда»*), в к-ром также идет речь о выборе вер В. С. между Римом и К-полем (*Regel. Analecta. P. 44-51*), вряд ли мог служить источником «Сказания», скорее сам будучи контаминацией ПВЛ и реминисценцией слав. миссии равноапостольных Константина и *Методия*. Не имеет под собой исторической основы неоднократно обсуждавшийся в науке рассказ древнеисл. Саги об Олафе Трюгвасоне (ум. в 999/1000), существующей в редакциях кон. XII-XIV в., согласно к-рому именно Олаф, крестившийся в Византии и приведший оттуда с собой некоего еп. Павла, убедил В. С. принять христианство (*Джаксон. Исландские королевские саги. С. 129-130, 138-139, 143-144, 147-148 и сл.*).

Равноап. кн. Владимир (в 1-м ряду 2-й справа).
Фрагмент иконы «О тебе радуется» из
Успенского собора Дмитрова. 1-я треть XVI в.
Мастерская Дионисия (ГТГ)

В отношении обстоятельств и времени Крещения В. С. в древнерус. источниках нет единства, что отмечал и составитель ПВЛ, сам придерживавшийся версии о Крещении В. С. в крымском г. Корсунь (по-гречески Херсонес): «Не сведуще право глаголють, яко кръстилься есть в Киеве, и ини же реша в Василеви, друзии же инако скажутъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 111; Т. 2. Стб. 97). Пространное повествование ПВЛ под 988/89 (6496) г. о Крещении В. С. в Корсунь, получившее в науке название «Корсунская легенда», сводится к следующему. Решив с дружиной принять св. Крещение, В. С. «иде с вои на Корсунь, град гречьский», осаждает его в течение 9 месяцев и захватывает в результате предательства

некоего Анастаса Корсунянина. После этого князь шлет послов в К-поль, требуя отдать за него Анну, сестру визант. императоров Василия II и Константина VIII. Те, напуганные угрозами В. С. двинуться походом против Царьграда, уговаривают сестру выйти замуж за киевского князя при условии Крещения последнего. В. С. отвечает согласием, Анна с группой священников прибывает в Корсунь. После этого В. С. поражает внезапная слепота, к-рая чудесным образом проходит после Крещения князя местным епископом (по ПВЛ, в ц. свт. Василия, по Житию - в ц. св. Иакова), затем происходит бракосочетание князя с визант. царевной. В. С. с супругой, греч. священниками и Анастасом возвращается в Киев, где ниспровергает языческих кумиров и велит креститься киевлянам. К этому рассказу в ПВЛ присовокуплено наставление В. С. Корсунского епископа, состоящее из Символа веры, предостережения против «учения от Латын» и справки о 7 Вселенских Соборах, причем Символ веры содержит нек-рые явно арианские формулировки («Сын подобносущен... Отьцу» - ПСРА. Т. 1. Стб. 112; Т. 2. Стб. 98), происхождение к-рых до сих пор остается неясным.

Крещение дружины кн. Владимира.
Миниатюра из Радзивилловской летописи. Кон.
XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 62 об.)

Факт взятия В. С. Корсуни бесспорен, летописный рассказ приводит ряд связанных с этим аутентичных топографических реалий, но приурочение именно к Корсуни Крещения киевского князя вызывает определенные сомнения. Дело не только в том, что в более ранних, нежели ПВЛ, текстах, затрагивающих тему Крещения В. С. (в похвале В. С. из «Слова о законе и благодати» Илариона, буд. митр. Киевского, 40-х гг. XI в. или в «Чтении о святых Борисе и Глебе» прп. Нестора, вероятно, 80-х гг. XI в.), о Корсуни ничего не говорится. Важнее, что во фрагментах древней летописи в составе «Памяти и похвалы» Иакова Мниха взятие Корсуни прямо датировано «третьим летом» после Крещения. Надо думать, древнейшая основа «Сказания об испытании вер» и «Речи философа», как догадывался Шахматов, и была тем рассказом, согласно к-

рому Крещение В. С. произошло не в Корсуни, а на Руси (в Киеве, Василеве или т. п.) и хронологию к-рого воспроизвел Иаков Мних. В пользу такого предположения свидетельствует также наличие самостоятельных внелетописных редакций «Корсунской легенды», к-рые существенно отличаются от редакции, присутствующей в ПВЛ, и в еще большей степени, чем последняя, выдают фольклорное происхождение «Корсунской легенды». Таково «Слово, како крестися Владимир, возмя Корсунь», к-рое прямо (по мнению Н. К. [Никольского](#)) или опосредованно (по мнению Шахматова) отражает текст, первоначальный по отношению к летописному; таково более редкое житие В. С. особого состава, согласно к-рому взять Корсунь помог не Анастас, а варяг (И)жберн; по взятии города В. С. убил «князя корсуньского и со княгинею», насильно овладел их дочерью, после чего отдал ее за (И)жберна, к-рого поставил наместником в Корсуни, и т. п.

Христос Великий Архиерей с предстоящими Богоматерью, равноап. кн. Владимиром и

коленопреклоненным митр. Петром (Могилой).
Роспись ц. Спаса на Берестове в Киеве. 1644 г.

Свидетельства иностранных источников дают возможность с достаточной точностью восстановить хронологию и внешнеполитический фон событий, связанных с Крещением В. С. Согласно Иоанну Скилице (*Scyl.* Р. 336), но в первую очередь - Яхье Антиохийскому и Абу Шоджи ар-Рудравери (*Розен. Имп. Василий Болгаробойца*. С. 23-24, ср. также С. 200-202; *Кримський, Кезма. Оповідання*. С. 394-395; *Kawerau. Arabische Quellen*. S. 14-22), вырисовывается следующая картина. После катастрофического поражения от болгар летом 986 г. Византийская империя в 987 г. оказалась охвачена мятежом, к-рый поднял влиятельный полководец Фока Варда, в авг. объявивший себя императором; к концу года его войска стояли уже под стенами К-поля. Ввиду смертельной опасности, нависшей над Македонской династией, имп. Василий II отправил посольство на Русь к В. С. с просьбой о помощи. Киевский князь согласился, но ценой брака на визант. принцессе Анне, родной сестре Василия, дочери имп. *Романа II* (959-963). К-поль вынужден был согласиться,

выдвинув, однако, в качестве условия Крещение князя. В 988 г. в Византию отправилось рус. войско, к-рое и помогло Василию II нанести мятежникам 2 решительных поражения (зимой 988 у Хрисополя и в апр. 989 при Авидосе), в последнем из к-рых погиб и сам Фока Варда, а царевна Анна отбыла на Русь. О взятии рус. войском Херсонеса в этих источниках речи нет, но о нем сообщает визант. историк 2-й пол. X в. Лев Диакон (*Leo Diac.* X, 10. P. 175), хотя и в контексте, никак не связанном с Крещением рус. князя, о к-ром он вообще умалчивает. Взятие «тавроскифами»-русью Херсонеса у Льва Диакона «знаменовали» некие небесные «огненные столбы», к-рые обычно сопоставляются с «огненным столбом», наблюдавшимся в небе близ Каира, согласно Яхье, 7-12 апр. 989 г. Если так, то взятие Корсуни надо датировать периодом между апр. и июлем-авг. 989 г., т. к. появившаяся в июле-авг. комета Галлея, по Льву Диакону, предсказывала уже следующее бедствие - землетрясение в окт. 989 г., приведшее к падению купола в храме Св. Софии в К-поле (В. Г. [Васильевский](#), В. Р. [Розен](#)). Эту ставшую уже традиционной т. зр. оспорила Н. М. Богданова, предложив понимать глагол «знаменовали»

(греч. παρεβηλουν) не в смысле предзнаменования, а как указание на свершившийся факт и тем самым относить падение Херсонеса ко времени незадолго до апр. 989 г. Неубедительна основанная на неверных хронологических подсчетах датировка взятия Корсуни маем-июнем 990 г., выдвинутая О. М. Раповым, вряд ли основательно настаивавшим, что у Льва Диакона и Яхьи речь идет о разных метеорологических явлениях. По той же причине трудно согласиться и с датировкой дек. 988 г. (А. Л. Пономарёв, Н. И. Сериков). Чем объяснить поход В. С. на Корсунь, если киевский князь был союзником Византии? Рус. войско появилось в Византии не позднее осени 988 г. Следов., летом или осенью того же года русско-визант. союзный договор должен был предусматривать и прибытие на Русь царевны Анны. Очевидно, именно для ее встречи В. С. «к порогам ходи» «на другое лето по Крещении», но до похода на Корсунь, как о том сообщает Иаков Мних. Брак «порфирородной» принцессы с «варваром» был уникальным исключением из визант. династических правил, и потому было бы вполне понятным, если бы Василий II, получив рус. военную помощь, не торопился с исполнением своих обязательств. В таком

случае осаду и взятие Корсуни В. С. предпринял для того, чтобы вынудить К-поль сдержать свое обещание. Этому естественному объяснению А. В. Поппе попытался противопоставить гипотезу, по к-рой Корсунь была на стороне мятежного Фоки Варды и ее захват В. С. явился выполнением союзнических обязательств со стороны киевского князя. Такая т. зр. нашла сторонников (Л. Мюллер, В. Водов и др.), но столкнулась и с основательной критикой (Д. Оболенский, В. Зайбт, А. Ю. Карпов). Так, в рамках гипотезы Поппе трудно объяснить устойчивое соединение в древнерус. традиции взятия Корсуни с прибытием Анны.

Равноап. кн. Владимир и вмц. Варвара.
Икона. 1908 - 1917 гг. (ГИМ)

Приведенные данные не позволяют безусловно предпочесть к.-л. из 2 древнерус. версий Крещения В. С.- «корсунскую» или Иакова Мниха, но последняя выглядит в их свете, как и

в свете всей суммы древнерус. источников, все же более вероятной. Титмар Мерзебургский также относит «великие насилия», к-рые В. С. «чинил над слабыми данайцами» (т. е. греками - Thietm. VII 72. Р. 486; Назаренко. Немецкие латинояз. источники. С. 135, 140), уже ко времени после Крещения князя. В результате ход событий реконструируется следующим образом. Видимо, уже в 987 г. Василий II начал переговоры с В. С. о военном союзе, причем был вынужден принять требование киевского князя о союзе династическом. Предуготовляя его, В. С. принял Крещение. Если дата Крещения выбиралась согласно К-польскому евхологию (что в случае «политического» Крещения не выглядит, впрочем, обязательным), то оно имело место скорее всего на праздник Крещения Господня 6 янв. 988 г. (Поппе), т. е. еще в 6495 мартовском году; др. возможности - на Пасху (8 апр.) или на Троицу (27 мая) 988 г. (М. Арранц) уже в следующем, 6496, году- следует, видимо, отвергнуть как вступающие в противоречие с относительной хронологией Иакова Мниха. По свидетельству Степаноса Таронеци (С. 142, 175), сбивчивого в деталях, но достоверного в своей основе, в визант. посольство входил бежавший от Фоки Варды митр. Севастии (в пров. Армения

Вторая) Феофилакт, к-рый и мог крестить киевского князя. Древнерус. источники единодушно утверждают, что в Крещении В. С. был наречен Василием - несомненно, в связи с тем, что его заочным крестным отцом считался имп. Василий II (такова была обычная практика визант. «политических» Крещений). Летом 988 г. В. С. отправил в Византию рус. войско и у днепровских порогов (место, наиболее подверженное нападениям степняков) дожидаясь царевны Анны (летом-осенью 988 (6496), т. е., действительно, «на другое лето по Крещению»). Однако Анна не прибыла, а возможно, если полагаться на Степаноса Таронеци (к-рый, однако, путает Русь с Болгарией), греки пытались даже подменить невесту. Разгневанный В. С. осенью выступил к Корсунь, к-рую после продолжительной осады захватил между апр. и июлем 989 (6497) г. («на третье лето» после Крещения по древнерус. счету). Василий II вынужден был выполнить свое обязательство, багрянородная царевна прибыла в Херсонес, где и произошло ее бракосочетание с В. С., по всей вероятности еще в том же 989 г. Осенью 989 или весной 990 г. В. С. вернулся в Киев.

Киевский кн. Владимир. Рисунок из «Большой государственной книги» (РГАДА ДА 66. Б-ка ОФР. № 64249. Л. 6). 1672 г.

Восстанавливаемая т. о. хронология совпадает с хронологией Иакова Мниха, если исходить из его известия, что В. С. крестился «в 10-е лето по убиении брата своего»: $978/79 (6486) + 9 = 987/88 (6475)$. Однако этому последнему противоречит др. сообщение Иакова, что после Крещения В. С. «поживе... 28 лет», что приводит к дате Крещения ПВЛ: $1015 (6523) - 27 = 988/89 (6496)$. Очевидно, именно вслед. приурочения к 988 г. Крещения В. С. летописец, сторонник «корсунской» версии, отнес к 988/9 г. и поход на Корсунь. Это противоречие усугубляется уже упоминавшимся убеждением автора ПВЛ, будто продолжительность киевского княжения В. С. составляла 37 лет, что, с одной стороны, явно представляет собой сумму $10+28$ (где 10-й год

киевского княжения и первый год по Крещении посчитаны, естественно, за один), а с др.- ведет к дате вокняжения В. С. в Киеве 979/80 г., не совпадающей ни с датой Иакова Мниха (978), ни с летописной (980/81). Вопрос о происхождении этих хронологических несоответствий остается открытым.

История после Крещения

Деятельность В. С. по Крещении отразилась в источниках по 3 главным взаимосвязанным направлениям: христианизации Руси, мерам по внутреннему совершенствованию гос. и общественной жизни, внешней военной и политической активности.

«Род правых благословится». Фрагмент гравюры из книги архиеп. Лазаря (Барановича) «Меч духовный» К., 1666. Л. 2 об. (РГБ)

Первые шаги по христианизации Руси (подробнее см. ст. [Крещение Руси](#)) были предприняты В. С. немедленно после возвращения в Киев: разрушение языческих святилищ в столице и Крещение киевлян (вероятно, в 990) с помощью греч. священников, как прибывших с Анной, так и приведенных из Корсуни. В ближайшие годы аналогичные массовые Крещения были, надо полагать, предприняты и в др. крупнейших городах Руси, хотя прямые указания на этот счет есть только относительно Новгорода, тогда как известия о миссионерских поездках В. С. и Киевского митрополита в Ростов и Суздальскую землю в 991-992 гг. в том виде, как они изложены в поздней Никоновской летописи (1-я пол. XVI в.), содержат фактические несообразности и домыслы и не заслуживают доверия. Важнейшим шагом стало учреждение в Киеве (не позднее 996) митрополии К-польского Патриархата, к-рое, очевидно, предусматривалось договором В. С. и имп. Василия II или явилось непосредственным его следствием. Распространенная некогда гипотеза М. Д. [Присёлкова](#), согласно к-рой Русская Церковь при В. С. пребывала в юрисдикции болг. Охридского Патриарха, а митрополия была открыта только ок. 1039 г.

при Ярославе Мудром, не нашла поддержки в посл. (она противоречит, в частности, выстроенным по хронологическому принципу перечням митрополий К-польского Патриархата, где Русская митрополия упоминается перед Аланской, учрежденной в 997/98). Одновременно с митрополичьей при В. С. были учреждены неск. епископских кафедр: в Новгороде, также, вероятно, в Белгороде (под Киевом) и Чернигове, а возможно, еще в Полоцке и Переяславле Русском (Южном).

Освящение Десятинной ц. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30.Л. 67 об.)

Развернулось деревянное храмостроительство, о конкретных масштабах к-рого судить трудно, т. к. летопись выражается неопределенно: В. С. «повеле рубити църкви и поставляти по местом, идеже стояху кумири... и нача ставити по градом църкви и попы» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 118; Т. 2. Стб. 103); поименно известны лишь церкви во имя свт. Василия в Киеве и Преображения Господня в Василеве. Согласно митр. Илариону,

при В. С. возникли и первые рус. мон-ри, о которых ничего конкретно неизвестно:

«Монастыреве на горах сташа, черноризьци явишася» (Молдован. «Слово». С. 93). Уже в 990/91 г. (так у Иакова Мниха; по отклоняющейся в целом на год хронологии ПВЛ - в 991/92) В. С. заложил в Киеве каменную ц. Пресв. Богородицы Десятинную, для строительства к-рой были приглашены греч. мастера и к-рой были переданы иконы, церковная утварь и мощи святых Климента, папы Римского, и его ученика *Фива*, вывезенные В. С. из Корсуни; служили в ней греч. корсунские священники. Не вполне ясно, была ли она дворцовым княжеским храмом или служила нек-рое время также митрополичьим кафедральным собором. Во всяком случае митрополичий собор Св. Софии в Киеве (видимо, деревянный) при В. С. уже существовал, т. к. о его пожаре в 1018 г. упоминает Титмар (Thietm. VIII 32. P. 530; Назаренко. Немецкие латинояз. источники. С. 137, 142).

Равноап. кн. Владимир сокрушает идолов.
Гравюра из книги архиеп. Лазаря
(Барановича) «Труды на дни нарочитыя
праздников». К., 1674. Л. 243 (РГБ)

С освящением Десятинной ц. (995 или 996) древнерус. традиция, отразившаяся в ПВЛ, Церковном уставе кн. Владимира и проложном Сказании об освящении Десятинной ц. (под 12 мая), связывает меры В. С. по материальному обеспечению юной Русской Церкви в виде десятины - 10-й части «от имени моего (Владимира.- А. Н.) и от град моих» (ПСРА. Т. 1. Стб. 124; Т. 2. Стб. 109; Карпов. Владимир Святой. С. 431-432), «по всей земле Рустей от всякого княжа суда... от торгу... от всякого стада и от всякого жита» (ДРКУ. С. 15, 16, 18 и др.). Характерно, что эти отчисления по воле В. С. поступали в распоряжение не митрополита, а Анастаса Корсунянина, бывшего, вероятнее всего, экономом Десятинного храма,- свидетельство того, что учреждение десятины

состоялось либо до установления митрополии, либо во время ее вдовства. Уже по одной этой причине следует скептически отнестись к объединению во всех редакциях Церковного устава кн. Владимира таких мер, как учреждение князем десятины и разделение им, по визант. образцу, княжеской и церковной (митрополичьей, епископской) юрисдикции: последнее должно было произойти неск. позже. В сфере церковного суда оказалось брачное и семейное право, преступления против нравственности, вдовство, суд над т. н. церковными людьми (в эпоху В. С.- прежде всего над клириками и членами их семей). Крайне важным делом было обеспечение Церкви рус. священнослужителями. Меры В. С. в этом отношении напоминают аналогичные шаги Петра I Алексеевича: князь насильственно отбирал детей знати («нарочитыя чади»), чтобы отдать их «на учение книжное» (ПСРА. Т. 1. Стб. 118-119; Т. 2. Стб. 103).

Равноап. кн. Владимир, святые князья Борис и Глеб, мученики Кирик и Иулитта. Икона из Никольской часовни новгородского Детинца. XVI в. (?) Фотография 1-й четв. XX в.

С мероприятиями по христианизации страны были тесно связаны и нек-рые внутриполитические шаги В. С. Если любовь В. С. к своей дружине, с к-рой князь совеща́лся «о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем», а также еженедельные пиры с В. С. и без него, к-рые он устраивал «боляром, и гридем (т. е. старшей и младшей дружине.- А. Н.), и съцьским, и десяцьским (городская административная верхушка.- А. Н.), и нарочитым мужем» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126; Т. 2. Стб. 111), вполне вписывались в идущее еще из языческих времен древнерус. представление о княжеских доблестях (они с похвалою представлены летописцем не без элементов фольклорной стилизации: В. С. велит

«исковати» дружине серебряные ложки взамен деревянных, будучи уверен, что, сохранив благосклонность дружины, добудет себе еще больше «сребра и злата»), то акцентируемые всеми источниками (летописными, житийными, Титмаром) социально-карикативная активность В. С., его нищелюбие (раздача продовольствия и денежной милостыни на княжеском дворе; продовольствие также развозилось по городу для тех, кто по болезни не мог сам явиться к раздаче) соответствовали идеалу христ. государя, одной из важнейших черт к-рого в визант. понимании было человеколюбие (φιλανθρωπία).

Златник кн. Владимира. X в. Аверс

Введению церковного суда и первоначальному разграничению его со сферой суда княжеского сопутствовала попытка по совету епископов обновить древнерус. обычное право путем заимствования ряда визант. юридических

практик. ПВЛ рисует эту попытку как неудачную: употребительные в Византии смертную казнь и членовредительные наказания В. С. пришлось снова отменить в пользу традиц. для Руси денежных штрафов (вир и продаж). Целиком на древнерус. политический обычай ориентировалось и посажение киевским князем своих сыновей по волостям, что, с одной стороны, соответствовало представлению о гос. территории как коллективном владении княжеского семейства (в силу этого каждый взрослый княжич имел право на удел), а с др.-служило своеобразным способом адм. управления территориями из Киева (княжич выступал в качестве посадника, наместника своего сидевшего в Киеве отца) и их христианизации. В качестве 1-го этапа этого процесса ПВЛ говорит о наделении волостями 4 старших Владимировичей (Вышеслав получил Новгород, Изяслав - Полоцк, Святополк - Туров, Ярослав - Ростов) и относит его ко времени непосредственно после Крещения В. С. и княжеской семьи, что выглядит вполне правдоподобно, т. к. ок. 990/91 г. старшим сыновьям В. С. было по 12-14 лет - возраст, обычный на Руси для посажения княжича на стол. После смерти Вышеслава В. С. переместил

в Новгород Ярослава, причем в Ростове был посажен Борис, получили столы др. подростшие Владимировичи: Глеб - в Муроме, Святослав - в земле древлян, Всеволод - во Владимире-Волынском, Мстислав - в Тмутаракани. Если то был единовременный акт, он должен был иметь место после 1001/02 г., когда умер Изяслав; происхождение распространенной вслед за В. Н. Татищевым (История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 70) датировки 1010 г. неясно.

Кн. Владимир вручает кн. Борису меч и отправляет его на войну с печенегам.

Погребение кн. Владимира. Клеймо иконы «Святые Борис и Глеб в житии» из Борисоглебской ц. в Запрудах в Коломне. Кон. XIV в. (ГТГ)

В русле вызванных христианизацией гос. преобразований В. С. была и неудачная попытка «византинизации» киевского столонаследия, относившаяся, очевидно, уже к последним годам правления В. С. Согласно традиции, после смерти В. С. Русь должна была

быть поделена между всеми его сыновьями (как то было со Святославичами), а Киев должен был достаться генеалогически старейшему. Однако политическое сознание В. С. как главы новой единой христ. державы, видимо, противилось такому механическому дроблению. Развернутых сведений о замысле В. С. нет, но источники заставляют подозревать, что В. С. планировал передать киевский стол одному из своих младших сыновей - св. Борису (ср., напр., вкладышаемые в уста Святополка Туровского в «Чтении о св. Борисе и Глебе» упреки В. С., что Борис «хочет по смерти отца своего стол прияти» - Жития св. мучеников Бориса и Глеба. С. 6-7); не в последнюю очередь это определялось, как можно думать, происхождением последнего по матери из болг. царского дома. Речь шла, разумеется, не о ликвидации наследственных уделов в принципе, а, по-видимому, об учреждении сеньората - номинального политического главенства одного из братьев, вроде того, какой был учрежден полвека спустя по завещанию Ярослава Мудрого. Именно этими планами В. С. были, судя по всему, вызваны почти одновременные возмущения против Киева со стороны 2 старших Владимировичей: Святополка в Турове (вероятнее всего, ок.

1012/13), к-рый в результате оказался в заключении по приказу В. С., и Ярослава в Новгороде (1014). Осуществлению реформы престолонаследия помешали как внезапная смерть В. С. в разгар конфликта с Ярославом, так и радикальное расхождение реформы с традиц. порядком, к-рый покоился на принципе генеалогического старейшинства.

Собор во имя равноап. кн. Владимира в Воронеже. Фотография. Нач. XX в. (РГБ)

Еще одним проявлением нового государственно-политического самосознания княжеской власти в лице В. С. после его Крещения стала чеканка в Киеве золотой и серебряной монеты. Едва ли выпуск древнерус. монет преследовал собственно экономические цели (в IX-X вв. на Руси в большом количестве ходила серебряная монета араб. чеканки - дирхем; впрочем, именно к кон. X в. ее поступление на Русь стало иссякать);

относительно небольшие тиражи, а также крайне низкая проба монетного серебра говорят скорее о политически репрезентативном характере монеты. Если по весу она ориентировалась на привычный для Руси араб. чекан, то по внешнему оформлению воспроизводила совр. визант. образцы - золотые номисмы и серебряные милиарисии императоров Василия II и Константина VIII. Также как на визант. монетах, где помещались изображения Христа Пантократора и императора, на одной из сторон и златников, и сребреников В. С. имелось изображение киевского князя в торжественном облачении (в венце с характерными визант. подвесками-пендулиями по бокам, в плаще с застежкой-фибулой под подбородком и с крестом в руке), на др.- на более ранних монетах видим образ Спасителя, а на более поздних - изображение княжеского родового знака в виде стилизованного трезубца (и тогда вокруг головы князя появляется неперемный атрибут визант. имп. портретов - нимб). Однако в отличие от визант. образца с погрудным изображением правителя В. С. был представлен в рост сидящим на княжеском троне, что подчеркивалось и надписью: «Владимиръ на стол». Из портретных черт В. С. обращают на

себя внимание массивный подбородок и длинные отвислые усы.

Церкви во имя Епифания, еп. Кипрского (1645), во имя равноап. кн. Владимира (1554), Успенский собор (1497) в Кирилловом Белозерском мон-ре. Фотография. Кон. XX в.

О внешнеполитической деятельности В. С. после Крещения имеются лишь разрозненные сведения. Они создают впечатление, что на смену чрезвычайной военной активности В. С. языческого периода приходит политика, направленная больше на удержание и стабилизацию достигнутого. Надо полагать, что Крещение и женитьба В. С. на сестре правивших императоров повели к максимальному повышению статуса киевского князя и Руси в идеальной визант. иерархии государей и гос-в: от нейтрального, внеположного по отношению к этой иерархии титула «князь и т. п.» (αρχων) до включения В. С. в число «духовных» (πνευματικοί) родичей визант. василевсов. Однако полной ясности в

этом вопросе нет из-за отсутствия прямых указаний на этот счет в источниках.

Несомненно неблагоприятный для Руси договор с Византией, к-рый был вынужден подписать Святослав после своего поражения в 971 г., при В. С. был пересмотрен, хотя текст нового договора в отличие от более ранних не сохранился. Ясно лишь, что к Руси перешла непосредственная власть над Керченским прол. и прилегающими землями (Тмутараканское княжество). Союз В. С. с Византией обусловил, по свидетельству анонимного визант.

тактика того времени, участие рус. войск в болгаро-визант. войне в 90-х гг. X в. (*Traité de tactique, connu sur le titre «Traité de castramétation rédigé à ce qu'on croit»* / Ed. A. Martin. P., 1898. P. 29, 39, 51), а также, вероятно, какие-то перемены в положении и численности рус. наемного корпуса на визант. службе, действия к-рого источники фиксируют в 999 г. в Сирии (*Розен. Имп. Василий Болгаробойца. С. 40*), а в 1000 г.- в Армении (*Всеобщая история Стефаноса Таронечи. С. 200-201*). Поход В. С. в 992 г. к русско-польск. пограничью, к-рый кроме ПВЛ упоминается также в нем. Хильдесхаймских анналах (*Annales Hildesheimenses* / Ed. G. Waitz. Hannover, 1878. P. 25), закреплял в связи со

вступлением на польск. трон нового кн. Болеслава I Храброго приобретения Руси, сделанные здесь ок. 980 г.

Совет кн. Владимира с Добрыней. Заключение Владимиром мира с волжскими булгарами в 985 (или 986) г. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 48)

Дружественный в целом характер отношений В. С. с зап. соседями подчеркивается летописцем: В. С. «бе живя с князи околними миром, с Болеславом Лядьским, и с Стефаном Угрьским, и с Андрихом Чешьским» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126; Т. 2. Стб. 111), т. е. помимо Болеслава Польского с венг. кор. Стефаном I (Иштваном) (997-1038) и чеш. кн. Олдржихом (Удальрихом) (1012-1034) (видимо, именно он скрывается под летописным именем Андрих). Эти мирные отношения, включавшие в себя нейтралитет почти в постоянной польско-нем. войне, начавшейся вскоре после вступления на престол герм. кор. Генриха II, В. С. скрепил браком Святополка, в удел к-рого входило

русско-польск. пограничье в р-не Берестья, с дочерью Болеслава (скорее всего ок. 1005/10). Военный конфликт с Болеславом в 1013 г., о котором, как и о женитьбе Святополка, знает только Титмар (Thietm. IV 58; VI 92; VII 72. P. 198, 382, 486; *Назаренко. Немецкие латинояз.* источники. С. 134-135, 139-141), был вызван, вероятнее всего, упоминавшимся выше выступлением Святополка против В. С., а не поворотом в зап. политике самого В. С., как можно было бы предполагать, руководствуясь неосновательной догадкой Н. А. фон Баумгартена, к-рая получила известное хождение в науке,- о том, будто 2-й христ. женой В. С., после смерти в 1011/12 г. Анны, стала родственница герм. королевского дома. Что в конце жизни В. С. женился вторично, вряд ли подлежит сомнению (по Титмару, в 1018 в Киеве в плен к Болеславу попали не только супруга Ярослава Мудрого и его сестры, но и его мачеха (noverca): Thietm. VIII 32. P. 530; *Назаренко. Немецкие латинояз.* источники. С. 137, 142; именно на дочери В. С. от этого брака Марии женился ок. 1040 польск. кн. Казимир I), но идентификация Баумгартеном этой новой супруги В. С. крайне уязвима.

Медаль в память о сооружении Владимирского собора в Киеве. Аверс с изображением равноап. кн. Владимира. 1895 г. Худож. А. Прахов (ГИМ)

Важнейшей заботой В. С. в христ. период его княжения летопись представляет организацию устойчивой обороны юж. подступов к Киеву от печенежских набегов. В. С. предпринял строительство по берегам притоков Днепра на правобережье (по Стугне) и на вост. берегу (по Десне, Суле, Трубежу, Остру и др.) грандиозной фортификационной системы, к-рая состояла из крепостей («градов»), соединенных сплошными земляными валами с деревянным тыном и населявшихся людьми, выведенными со всех концов Руси. Эту «крепчайшую и длиннейшую ограду» с воротами в ней видел в 1008 г. зап. архиеп. Бруно Кверфуртский на пути из Киева в Печенежскую степь (List *Brunona*. S. 98-99); ее следы сохраняются до сих пор. Обновлялись и расширялись крепостные укрепления в

крупных городах вокруг Киева - в Белгороде, Переяславле; основывались новые - Василев, Городец Остерский, Воинь и др. В русле этой же политики была сильно расширена площадь Киева внутри новых городских стен (город Владимира).

Молитва кн. Владимира в Десятинной ц. и принесение им клятвы о выделении для Церкви десятины. Раздача милостыни по случаю этого события. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Кон XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 69 об.)

Попытки замирения с печенегами, предпринимавшиеся В. С., не имели сколько-нибудь длительного успеха. Неизвестно, сколько долго просуществовал русско-печенежский мир, заключенный В. С. с помощью Бруно в 1008 г. и сопровождавшийся даже посылкой к печенегам в качестве заложника одного из Владимировичей, а также созданием эфемерной Печенежской епископии, к-рая находилась в каких-то не совсем ясных

отношениях к Киевской митрополии. Так или иначе, «рать велика без перестани» с печенегами длилась до самой кончины В. С. и об ее интенсивности говорит, в частности, тот факт, что уже в ПВЛ, не более чем через столетие, воспоминания о ней приобретают эпические формы; таковы рассказ под 992 г. об отроке усмошвеце, победителе печенегов под Переяславлем, или повествование о «белгородском киселе» под 997 г., предвосхищающие позднейшие былинные сказания о «Владимире Красне Солнышке».

Равноап. кн. Владимир. Памятник на Владимирской горке в Киеве. Скульптор П.К. Клодт. 1853 г.

В. С. скончался внезапно в своей загородной резиденции Берестове, не успев уладить отношения ни со Святополком, ни с Ярославом, и был погребен в Десятинной ц. Киевский стол вопреки планам В. С. захватил вышедший из

заклучения старейший в роде Святополк, и на Руси разгорелось кровавое междоусобие Владимировичей, в ходе к-рого погибли святые Борис и Глеб, а также Святослав и к-рое окончательно утихло только после мира между Ярославом и Мстиславом в 1026 г.

Княжение Владимира в Киеве. Воздвижение по его повелению на холме деревянных изображений Перуна и др. языческих божеств. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 45)

Народная память, отразившаяся в былинном эпосе, сохранила образ В. С. как радушного, хлебосольного киевского князя, Красного Солнышка («У ласкова князя Владимира, / У Солнышка, у Сеславьича, / Было столованье, почетный пир...» - Добрыня и Василий Казимиров // Былины. М., 1916. Т. 1. С. 43), стольный город к-рого охраняется от наездов степняков богатырскими заставами, а среди богатырей помимо Ильи Муромца выделяется Добрыня Никитич, в образе к-рого

фольклористы не без основания угадывают черты исторического Добрыни, дяди В. С. Былинный цикл вокруг образа В. С. складывался уже в первые столетия после его смерти, как свидетельствуют заимствования из него в нем. эпосе (Сага о Дитрихе Бернском (Веронском) XIII в.).

Судьба останков В. С.

Мраморный саркофаг В. С. в Десятинной ц., по свидетельству Титмара, был установлен рядом с саркофагом Анны, посреди храма, что было нетипично для визант. традиции, воспроизводя скорее центральноеевроп. практику (по мнению Поппе, такая постановка раки могла быть связана с подготовкой канонизации Крестителя Руси). Гроб и мощи В. С. были утрачены в кон. 1240 г., оказавшись погребены под развалинами Десятинной ц. после захвата Киева монголо-татарами. В 1632/36 г. при разборке руин с целью возведения нового храма по повелению Киевского митр. св. Петра (Могила) были якобы обнаружены то ли 2, то ли 1 мраморный саркофаг с останками, к-рые свт. Петр счел за мощи В. С. согласно найденной при гробе надписи; затем саркофаги были закопаны снова. (Известны 2 отличающихся друг от друга описания этого обретения: в кн.

митр. Самуила (Миславского) «Краткое ист. описание Киево-Печерской лавры» (СПб., 1817. С. 105-106) и, по сведениям И. В. Жиленко, в неопубл. рукописи XVIII в. из Киево-Печерской лавры - НБУВ ИР. П. 390 (194)).

Равноап. кн. Владимир, святые князья Борис и Глеб. Икона из Софийского собора в Новгороде. кон. XV в. (Музей -квартира П.Д. Корины)

Череп останков, найденных свт. Петром, был перенесен им в Успенский собор Киево-Печерской лавры, откуда незадолго до начала Великой Отечественной войны отправлен в Ленинград с целью создания скульптурной реконструкции по методу Герасимова (в наст. время местонахождение неизвестно). Нижняя челюсть была в 1638 г. подарена митр. Петром царю Михаилу Феодоровичу и хранилась в Успенском соборе Московского Кремля (мощи В. С. упом. в описи Успенского собора за 1701

г. и в описи Образной палаты Московского Кремля за 1669; в наст. время не сохр.). Кисть руки была положена в киевском Софийском соборе (исчезла, вероятно, во время второй мировой войны). Однако надпись, цитируемая в описаниях обретения мощей, явно позднего происхождения и содержит фактические несообразности (погребение В. С. и Анны в одном гробу, датировка от Рождества Христова и т. д.); кроме того, в этом погребении, заново раскопанном киевским архит. Н. Е. Ефимовым в 1826 г., обнаружались саркофаги, не соответствующие описанию времени свт. Петра. Все это заставляет усомниться в отождествлении останков, обнаруженных в 30-х гг. XVII в., с мощами В. С.

Церковное почитание

Проблемы становления почитания В. С. и времени его канонизации остаются дискуссионными. Очень рано, уже вскоре после окончания уобицы Владимировичей, деятельность Крестителя Руси была осознана рус. людьми как благодатный подвиг равноап. государя. Будущий митр. Иларион в 40-х гг. XI в. восклицал в своей похвале В. С.: «Како ти сьрдце разверзеса? како въниде в тя страх Божий? како прилеписа любви Его, не видя апостола, пришедша в землю твою?», прямо

ублажая В. С. званием «подобника великааго Коньстантина», «во владыках апостола» (Молдован. «Слово». С. 95-96, 98). «Слово» митр. Илариона содержит в себе элементы акафиста и молебна, и не случайно в посл., в своей 2-й, усеченной, редакции, «Слово» было приспособлено к богослужебному употреблению (древнейший список - БАН. 4.9.37, 2-я пол. XIII в.). Это дает основания предполагать, что в правление Ярослава Мудрого были предприняты определенные шаги для церковного прославления В. С. Однако вслед. отсутствия чудотворений или др. причин его почитание не получило широкого распространения. Если в тех частях ПВЛ, к-рые восходят к более раннему летописанию и интонационно близки Илариону, В. С. также именуется «новый Костянтин великого Рима... сего бо память держать Рустии людье», то в нач. XII в. автор ПВЛ со скорбью пишет: «Мы же, хрьстяне суще, не въздаем почестья противу оного (В. С.- А. Н.) възданию... Да аще быхом имели потщанье и мольбы приносили Богу за нь в днь преставленья его, и видя бы Бог тщанье наше к нему, прославил бы и» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130-131; Т. 2. Стб. 115, 117). Примерно в то же время Иаков Мних, в свою очередь уподобляя В. С. «Костянтину Великому», призывает не

смущаться отсутствием чудес от мощей В. С.: «Не дивимся, възлюбленей, аще чюдес не творить по смерти, мнози бо святии праведней не створиша чюдес, но святи суть», ссылаясь на свт. Иоанна Златоуста, что святого «от дел познати, а не от чюдес» (Срезневский. Память. С. 5-6). Ввиду этого нек-рые исследователи относят возникновение церковного почитания В. С. к XI - нач. XII в., возводя к этому времени и древнейшую посвященную ему службу (Н. И. Серебрянский, Н. К. Никольский, Н. С. Серёгина, Карпов и др.). В русле этой концепции Б. А. Успенский рассматривает упоминание «^{ОЧ А ВАСНАБЪ: Н БОРИСА Н ГА БА}» в списке святых на новгородской берестяной грамоте № 906, стратиграфически датируемой 3-й четв. XI в. (Янин, Зализняк. Берестяные грамоты. С. 6). По мнению исследователя, под «отцом Василием» подразумевается В. С., имевший в Крещении имя Василий.

Положение тела кн. Владимира в мраморный саркофаг в Десятинной ц. Миниатюра из

Радзивилловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 74)

Вместе с тем существует и др. т. зр. (И. И. Малышевский, М. Славнитский, Е. Е. Голубинский, М. С. Грушевский, Г. П. Федотов, Водов и др.), согласно к-рой о канонизации В. С. нельзя говорить до сер. XIII в. Указывается, что: 1) еще в 40-х гг. XIII в. имя Владимир не было внесено в святцы, т. к. родившийся в это время волынский кн. Владимир Василькович получил в Крещении имя Иоанн (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 919-920); 2) эпитет «святой» впервые применяется к В. С. в Галицко-Волынской летописи, в части, созданной, вероятно, в 1261 г. (Там же. Стб. 821); 3) первое известие о храме, посвященном В. С., относится к 1311 г., когда архиеп. Давид поставил в Новгороде «на воротех» каменную церковь «святого Володимира» (НПЛ. С. 93); 4) в составленном в 80-х гг. XIII в. Житии св. кн. Александра Невского упоминание о том, что Невская битва со шведами 15 июля 1240 г. произошла не только «на память святых отьць 600 и 30 бывша збора в Халкидоне, и святою мученику Кюрика и Улиты», но и «святаго князя Володимера, кръстившаго Русскую землю», есть только в варианте, представленном в

Лаврентьевской летописи (ПСРА. Т. 1. Стб. 479), тогда как в др., более ранних, редакциях слов о В. С. нет; это заставляет квалифицировать данный текст как позднейшее добавление.

Равноап. кн. Владимир на престоле. Гравюра из «Анфологиона» Львов, 1638. Л. 503 (РГБ)

По наблюдениям О. В. Лосевой, имя Владимир «не встречается в русских месяцесловах ранее XIV в. ... Более того, южнославянские месяцесловы XIII-XIV вв., которым хорошо известны многие русские праздники... не содержат памяти князя Владимира (15 июля)» (С. 91). Однако здесь следует отметить, что в святцах отмечаются, как правило, памяти общерус. святых, местночтимые вносятся в месяцесловы с большим опозданием и далеко не всегда. В то же время житие В. С. под 15 июля появляется в Прологах уже в 1-й пол. XIII в. (старший древнерус. список ГИМ. Щук. № 97, к-рый по палеографическим наблюдениям

А. А. Турилова датируется нач.- сер. XIII в. (СКСРК, XIV в. Вып. 1. Прил. 2. № д 60. С. 653)). Древнейший болг. список включен в состав агиографического сборника РНБ. Q. п. I. 63, рубеж XIII-XIV вв. (СКСРК, XI-XIII. № 304. С. 276). Протографом проложного жития несомненно послужил древнерус. список домонг. времени, поскольку в южнослав. лит-ре неизвестны древнерус. произведения, созданные после 1237 г. Кроме того, необходимо заметить, что в южнослав. Прологах XIII в. В. С. упоминается чаще всего с эпитетом «святой». Так, в заметке о перенесении мощей благоверных князей Бориса и Глеба добавлено пояснение - «сына святого Владимира, кнеза рушьскаго великаго, второго Константина, крестившаго всю Русьскую землю» (ГИМ. Увар. № 70. Л. 244 об.-245, кон. XIII - нач. XIV в.). Вероятнее всего, что и в рус. лит. памятниках домонгольского времени В. С. уже именовался «святым». В «Слове похвальном на пренесение мощей святых страстотерпец Бориса и Глеба» (др. название - «Слово о князьях»), составленном во 2-й пол. XII в. (древнейший список датируется XV в.) наряду со святыми князьями Борисом и Глебом произносится похвала «святому Володимеру, приведьшу къ Богу тысяща

тысящами и тьмы тьмами душ праведных»
(БЛДР. Т. 4. С. 226).

Возведение по повелению кн. Владимира ц. в честь Преображения в Василеве. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 70)

Возможно, в первое время почитание В. С. пребывало в тени рано установившегося празднования святым Борису и Глебу, так что и церковное поминовение его происходило не самостоятельно, под 15 июля, а в дни памяти его сыновей-страстотерпцев. Так, в отрывке из месяцесловной части Студийского устава кон. XII в., хранящемся в Курском музее (№ 20959. Л. 4 об.), под 24 июля, после службы святым Борису и Глебу, есть запись: «Чтется житие князя Володимира, в томъ есть и мучение святою Бориса и Глеба». Такой обычай мог сложиться очень рано, еще тогда, когда мощи святых Бориса и Глеба первоначально покоились в Вышгороде, в ц. св. Василия, где (как и в киевской ц. св. Василия или Десятинной ц.) молитвенное обращение к В. С.,

в Крещении Василию, могло бы возникнуть естественное всего. Памяти святых Бориса и Глеба под 24 июля и В. С. под 15 июля являются единственными памятями рус. происхождения в «Каноннике Скалигера», созданном в Сев.-Вост. Руси (A Russian Church Slavonic Kanonnik, 1331-1332 / Ed. A. H. van den Baar. The Hague, 1968. P. 199, 241, 256, 260). В этой связи стоит напомнить также о древней и устойчивой иконографической практике изображать В. С. именно со святыми Борисом и Глебом: на фреске XIV в. из ц. во имя вмч. Феодора Стратилата в Новгороде, на миниатюре в Мусин-Пушкинском сборнике 1414 г. (Срезневский И. И. Древние изображения. Табл. II-III) и др.

«Род царствия благословится». Роспись ц. во имя прор. Илии в Ярославле. Кон. XVII в. или 1716 г.

Можно с большой долей уверенности говорить о существовании почитания В. С. в первые столетия после его кончины как в юж. (Киев, Вышгород), так и в севернорус. (Новгород) землях. Противоречивость свидетельств можно объяснить тем, что в XI-XIII вв. на Руси, как и в Византии (в отличие от Западной Церкви), не существовало единой процедуры канонизации, для установления почитания святого, по-видимому, достаточно было устного благословения митрополита или епископа.

Убийство по повелению кн. Владимира киевского кн. Ярополка. миниатюра из Радзивилловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30.Л. 44)

Со 2-й пол. XIV в. почитание В. С. активно поддерживается московским великокняжеским домом. Во имя В. С. был крещен серпуховской кн. Владимир Андреевич Храбрый, родившийся 15 июля 1353 г. В «Слове о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» (по предположению

Г. М. Прохорова, составлено в кон. XIV - нач. XV в.) блгв. кн. Димитрий Иоаннович Донской прославляется как «отрасль благополодъна и цвет прекрасный» «царя Володимера, новаго Костянтина, крестившаго Роускую землю» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 351-352). В 1389 г. по заказу кнг. Марии Александровны, вдовы вел. кн. Московского Симеона Иоанновича Гордого, был вышит воздух «Спас Нерукотворный с предстоящими святыми», где в числе 8 святых представлены вмч. Димитрий Солунский и В. С.- св. покровители князей Димитрия Донского и Владимира Храброго. В нач. XV в. на княжеском дворе «в садах» за Москвой (совр. Старосадский пер. в Москве) уже существовала каменная ц. во имя В. С. (упом. в духовной грамоте вел. кн. Московского Василия I Димитриевича, составленной ок. 1417.- ДДГ. № 21. С. 58; в 1514-1516 на месте этого храма архит. Алевиз Новый построил церковь с тем же посвящением (ПСРЛ. Т. 30. С. 141), храм неоднократно перестраивался, в 1991 в нем возобновились богослужения).

Осада Корсуни войском кн. Владимира.
Миниатюра из Радзивилловской летописи. Кон.
XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 60 об.)

В 1-й пол. XV в. почитание В. С. приобрело черты церковно-гос. празднования. В ходе борьбы против Флорентийской унии на рус. почве была сформулирована идея о преемственности Московской Руси по отношению к Киевской, отразившаяся, в частности, в формуляре великокняжеских грамот, неотъемлемой частью к-рых стало обращение к «нашему прародителю, святому и равноапостольному великому князю Киева и всея Руси Владимиру» (Поппе. С. 44).

Поминание «великаго и благочыстиваго царя и князя Владимира» включается в предисловия к синодикам мон-рей и кафедральных соборов (Синодик ростовского Успенского собора, 2-я четв. XV в.- РНБ. Кир.-Бел. № 6/1083. Л. 300-302 об., 80-е гг. XV в.; Синодик Успенского собора Московского Кремля, XVI в. // ДРВ. М., 17872. Ч. 6. С. 438, 491). О почитании В. С. московскими вел. князьями свидетельствует также пелена «Богоматерь Смоленская со святыми» (сер. XV в.), вышитая по заказу вел. кнг. Марии Борисовны, супруги вел. кн.

Московского *Иоанна III Васильевича*, - на правой кайме пелены изображен В. С. Портрет Крестителя Руси присутствует в росписях *Благовещенского собора Московского Кремля* (ныне существующие фрески 1547-1551 гг. сохранили программу росписи 1508 г.). В этот период княжеское служение начинает восприниматься как подвиг, сопряженный со святостью. Когда вел. кн. *Василий III Иоаннович* хотел перед смертью принять монашеский постриг, противники пострижения говорили ему: «Князь великий Владимир Киевский умре не в чернцах, не сподобися ли праведного покоя? И иные великие князи не в чернцах преставилися, не с праведными ли обрели покой?» (ПСРА. Т. 6. С. 273-274).

Собор во имя равноап. кн. Владимира в Херсонесе. 1861-1891 гг. Архит. Д. И. Гримм. Фотография. 2004 г.

Наибольшее развитие представление о сакральном содержании княжеской и царской власти получило в эпоху царя Иоанна IV Васильевича Грозного, когда эта власть рассматривалась как «подвиг и долг перед своим народом, в первую очередь в сохранении веры, Церкви, Святой Руси» (Самойлова. С. 26); В. С. начал восприниматься как воплощение идеала правосл. государя. Автор «Казанского летописца» проводит аналогию между деяниями Крестителя Руси и царя Иоанна Грозного: В. С. «иногда Греческую землю ратовав, и обрете, яко свещу на светиле, истинную православную веру, и тою нас всех просвети... Тако же и государь наш... брався и Божию милостию одоле врагов, и нас всех свободи... от Змайлтескаго нашествия от Казанскихъ бесермен» (ПСРА. Т. 19. Стб. 475-476). Знаменательно, что, молясь в Коломне о победе своего войска, царь обращается с просьбой о заступничестве в первую очередь к В. С., а потом к князьям Борису и Глебу, называя их «богосадной отраслью» святого (Там же. Стб. 398).

Сребреник кн. Владимира IV типа. Кон. X. - нач. XI в. Аверс, реверс

С XVI в. активно разрабатывается тема родства московских правителей из рода Рюриковичей, потом Романовых и князей Киевской Руси. В идеологии Иоанна Грозного святость рус. князей призвана была укрепить авторитет царской власти. В Книге Степенной царского родословия жития кнг. Ольги, В. С., князей Бориса и Глеба открывают 1-ю степень генеалогии рус. правителей; перечисление имен этих святых как прародителей московских царей встречается во мн. офиц. документах XVI в. Родство царя Иоанна Грозного с В. С. стало одним из аргументов принятия им царского титула: «Государь наш зовется царем потому: прародитель его, великий князь Владимир Святославич, как крестился сам и землю Русскую крестил, и царь греческий и Патриарх венчали ево на царство Русское, и он писался царем, а как преставился, иной образ ево на иконах пишут царем» (СбРИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 436-437). Свое зримое воплощение эта тема получила в росписях домовых храмов и палат Кремлевского дворца, в изображениях родословного древа рус. государей -

композициях, получивших наибольшее распространение со 2-й пол. XVII в., после присоединения Украины к России (1654).

Равноапостольные имп. Константин и кн. Владимир. Резные изображения из ц. свт. Власия в Ярославле. Кон. XVII в. (ГМЗРК)

Равноапостольные имп. Константин и кн. Владимир. Резные изображения из ц. свт. Власия в Ярославле. Кон. XVII в. (ГМЗРК)

В XVI в. крестильное имя Владимир распространяется в боярской и дворянской среде. В. С. был небесным покровителем старицкого кн. Владимира Андреевича,

двоюродного брата царя Иоанна Грозного. В. С. изображен в пророческом ряду на кайме плащаницы 1561 г. из Успенского собора Московского Кремля, вышитой в мастерской кнг. *Евдокии (Евфросинии)* Старицкой (впосл. эта плащаница стала образцом для мн. памятников рус. шитья, см.: *Маясова*. С. 52. Прим. 32). Над могилой Владимира Ивановича Воротынского, участника взятия Казани, погребенного в *Кирилловом Белозерском в честь Успения Пресв. Богородицы муж. мон-ре*, в 1554 г. на средства его вдовы была построена ц. во имя В. С., ставшая впосл. фамильной усыпальницей Воротынских.

Равноап. Князь Владимир. Гравюра из «Анфологиона». К., 1619. Л. 1032 (РГБ)

В XVI - нач. XVIII в. храмов и престолов во имя В. С. было освящено не много: в 1536 г. «на полатех» новгородской ц. во имя св. князей Бориса и Глеба в Плотниках, построенной в

1377 г., существовал придел во имя В. С., возможно освященный раньше (*Макарий (Миролюбов)*. Ч. 1. С. 342); в 1644 г. во имя Крестителя Руси был освящен престол ярославского Успенского собора, построенного вместо сгоревшего в 1504 г. (храм снесен в 1937); в 1704 г. В. С. был посвящен верхний храм московской ц. во имя князей-страстотерпцев Бориса и Глеба в Зюзине (в 1989 в храме возобновлены богослужения).

Равноап. кн. Владимир (в 1-м ряду в центре).
Фрагмент иконы «Походная церковь». 70-е гг.
XVI в. (ТОКГ)

В эпоху Российской империи почитание В. С. приобрело подчеркнуто гос. характер. 1 окт. 1789 г. в С.-Петербурге во имя В. С. освящен главный престол нового храма, построенного на месте ц. во имя свт. Николая «на Мокруше». В 1825 г., во время посещения Севастополя имп. Александром I, по докладу

главнокомандующего Черноморским флотом А. С. Грейга было принято решение о сооружении в Херсонесе храма в память о Крещении Руси. В 1842 г. по инициативе адм. М. П. Лазарева было решено возвести собор во имя В. С. не в Херсонесе, а на центральном холме Севастополя. Закладка собора (по проекту архит. К. А. Тона) состоялась 15 июля 1854 г. Еще не достроенный, он стал памятником рус. воинской славы, в склепе нижнего храма, освященного в 1881 г. во имя свт. Николая Чудотворца, были похоронены адмиралы Лазарев, В. А. Корнилов, В. И. Истомин, П. С. Нахимов и др. участники обороны Севастополя в ходе Крымской войны (1853-1856). В 1888 г. состоялось освящение верхнего храма собора во имя В. С. (в 1932 собор был закрыт, богослужения в нем возобновились в 1991).

«Родословное древо русских князей и царей». Миниатюра из Синодика царевны Татианы

Михайловны. 60-80-г гг. XVII в. (ГИМ. 80370. Воскр. № 66)

В 1850 г. в соответствии с указом Святейшего Синода о возрождении в Крыму древних святых мест в Херсонесе открылся муж. мон-рь во имя В. С. Во время Крымской войны первые монастырские постройки были уничтожены, обитель возродилась после окончания войны на средства севастопольских купцов Телятниковых. С 1858 г. в день памяти Крестителя Руси от Адмиралтейского собора Севастополя к мон-рю ежегодно совершался крестный ход. В 1859 г. в мон-рь были переданы частицы мощей В. С., ранее хранившиеся в малой церкви Зимнего дворца. 23 авг. 1861 г. имп. Александр II и имп. Мария Александровна заложили камень в основание Владимирского собора в Херсонесском мон-ре. В 1867 г. ктиторм храма стал вел. кн. Владимир Александрович, в том же году закончилось строительство нижнего храма во имя В. С., в 1891 г. во имя Крестителя Руси был освящен главный престол верхнего храма. Объем нижней церкви собора, построенного по проекту акад. Д. И. Гримма, включил в себя древнюю базилику в честь Рождества Пресв. Богородицы, в к-рой, по существовавшему

тогда преданию, был крещен В. С. Перед иконостасом на месте купели была установлена темно-серая мраморная плита, инкрустированная белым крестом, с памятной надписью о Крещении В. С. Перед плитой находился аналой с частицами мощей равноапостольного князя. 31 янв. 1924 г. Херсонесский мон-рь был упразднен, 2 окт. власти закрыли собор. В 1992 г. во Владимирском соборе Херсонеса возобновлено богослужение, в наст. время восстановлена нижняя церковь собора.

Равноап. кн. Владимир, святые князья Борис и Глеб. Икона. 1675 г. (ГМЗК)

15 июля 1862 г. в связи с празднованием 1000-летия России был заложен Владимира равноапостольного князя собор в Киеве (окончательный проект принадлежит архит. А. В. Беретти), заверченный в 1896 г. В 1888 г., когда праздновалось 900-летие

Крещения Руси, соборы во имя В. С. были построены в Воронеже, Иркутске и др. городах. В 1894 г. во имя равноапостольных В. С. и кнг. Ольги был освящен престол Преображенского собора Угreshского во имя свт. Николая Чудотворца муж. мон-ря. В 1903 г. открылся иркутский муж. мон-рь во имя В. С. В Перервинском во имя свт. Николая Чудотворца муж. мон-ре юж. придел собора в честь Иверской иконы Пресв. Богородицы (1904-1908) был посвящен В. С. В наст. время равноап. Просветителю Руси посвящают новооткрывающиеся обители (в с. Коленковцы Черновицкой обл. на Украине (1997), в с. Горешть в Молдавии (2000)) и храмы: на средства приходов в 1991 г. построен крестильный храм при московской ц. во имя свт. Николая Чудотворца в Кузнецкой слободе, в 1999 г.- Владимирская ц. в Ярославле.

Э. П. Р.

Ист.: древнерусские: ПСРА. Т. 1. Стб. 69-131; Т. 2. Стб. 57-118 (и по указ.); Т. 9. С. 35-70; НПЛ. С. 121-169 (и по указ.); ДРКУ. С. 12-84; Шахматов А. А. Корсунская легенда (см. в разд. «Лит.»). С. 1074-1077 (46-49 в отд. отд.) [Житие особого состава]; Славнитский М. Канонизация св. кн. Владимира и службы ему по памятникам XIII-XVII вв. // Странник.

1888. № 6/7. С. 197-237; *Соболевский А. И.* Памятники древнерус. лит-ры, посвящ. Владимиру Святому // *ЧИОНЛ.* 1888. Кн. 2. Отд. 2. С. 15-17, 24-30; *Срезневский В. И.* Память и похвала кн. Владимиру и его Житие по сп. 1494 г. // *ЗИАН. Ист.-филол. отд.* 1897. Т. 1. № 6; *Никольский Н. К.* Мат-лы для истории древнерус. духовной письменности. СПб., 1907. С. 8-21. (СБОРЯС; Т. 82, № 4) [«Слово о том, како крестися Владимир, возма Корсунь»]; *Серебрянский Н. И.* Древнерус. княжеские жития. М., 1915. С. 14-26; Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печ. Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 1-7; *Зимин А. А.* «Память и похвала Иакова Мниха» и Житие кн. Владимира по древнейшему списку // *КСИС.* 1963. Вып. 37. С. 65-72; *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. К., 1984; *Князевская О. А.* Отрывок древнерус. рукописи кон. XII - нач. XIII в. // *Litterae slavicae Medii aevi: F. V. Mareš sexagenario oblatae.* Münch., 1985; *Назаренко А. В.* Нем. латинояз. источники IX-XI вв.: Тексты, пер., коммент М., 1993; *Макарий (Миролюбов), архим.* Археол. описание церк. древностей в Новгороде и его окрестностях. СПб., 2003; *иностранцы: [Асох'ик].* Всеобщая история *Степаноса Таронского, Асох'ика* по

прозванию, писателя XI ст. / Пер. Н. Эмина. М., 1864; *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца: Извлеч. из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883 [араб. ориг. и рус. пер.]; *Regel W.* *Analecta Byzantino-Russica.* St.-Pb., 1891 (см. также рус. пер.: *Голубинский.* История РЦ. Т. 1. С. 248-252; *Кримський А., Кезма Т.* Оповідання арабського історика XI в. Абу Шоджі Рудраверського про те, як охрестилася Русь // Ювілейний зб. на пошану акад. Д. Багалія. К., 1927. С. 383-395; *Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korneier Überarb.* / Hrsg. R. Holtzmann. B., 1935. (MGH. Scr. rer. Germ. NS; T. 9) [лат. ориг.; рус. коммент. пер.: *Назаренко А. В.* Нем. латинояз. источники IX-XI вв: Тексты, пер., коммент. М., 1993]; *Kawerau P.* *Arabische Quellen z. Christianisierung Russlands.* Wiesbaden, 1967. (Osteuropastud. d. Hochschulen d. Landes Hessen. R. II: Marburger Abhandl. z. Geschichte u. Kultur Osteuropas; Bd. 7) [араб. ориг. и нем. пер.]; *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum* / Rec. I. Thurn. B.; N. Y., 1973. (CFHB; Vol. 5); *List Brunona do krola Henryka* / Wyd. J. Karwasińska // МРН. N. S. 1973. Т. 4/3; *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Вост. Европе (с древнейших времен до 1000 г.): Тексты, пер., коммент. М., 1993. С. 117-219

[Сага об Олаве Трюгвасоне]; *Сотникова М. П.* Древнейшие рус. монеты X-XI вв.: Кат. и исслед. М., 1995. С. 19-96. № 1-176; Точный рассказ о том, как был крещен народ россов / Пер. Л. И. Щеголевой // Древнерус. лит-ра: Восприятие Запада в XI-XIV вв. М., 1996. С. 237-242).

Лит.: *Соловьев. История. Т. 1; Малышевский И. И.* Когда и где впервые установлено празднование памяти св. Владимира 15 июля? // ТКДА. 1882. № 1. С. 45-69; Владимирский сб.: В память 900-летия Крещения Руси. К., 1888; *Голубинский. История канонизации. С. 63-63; он же. История РЦ. Т. 1/1-2; Завитневич В. З.* Владимир Святой как полит. деятель. К., 1888; *Соболевский А. И.* В каком году крестился св. Владимир? // ЖМНП. 1888. Июнь. Ч. 2. С. 396-403; *Матченко И. П.* Св. равноап. кн. Владимир - просветитель Руси: 900-летие Крещения Руси // Странник. 1888-1889 (отд. изд.: СПб., 1889); *Левитский Н.* Важнейшие источники для определения времен Крещения Владимира и Руси и их данные: (По поводу мнения проф. Соболевского) // ХЧ. 1890. Т. 1. № 3/4. С. 370-421; № 5/6. С. 687-740; Т. 2. № 7/8. С. 147-174; № 9/10. С. 318-

368; *Никольский Н. К.* К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире // ХЧ. 1902. Июль. С. 89-106; *Шахматов А. А.* Один из источников летописного сказания о Крещении Владимира // Сб. ст. по славяноведению, посвящ. проф. М. С. Дринову. Х., 1905. С. 63-74; *он же.* Корсунская легенда о Крещении Владимира // Сб. ст., посвящ. проф. В. И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности. СПб., 1906. Т. 2. С. 1029-1153 (отд. отт.: СПб., 1906); *он же.* Разыскания о древнейших рус. летописных сводах. СПб., 1908 (особенно С. 13-28, 133-161); *он же.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРА. 1940. Т. 4. С. 122-149; *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI-X вв. Прил. 4: К вопросу о месте Крещения кн. Владимира. М., 1908. С. 125-137. (Памятники христ. Херсонеса; Вып. 3); *Бертье-Делагард А. Л.* Как Владимир осаждал Корсунь // ИОРЯС. 1909. Т. 14. Кн. 1. С. 1-67; *Приселков М. Д.* Очерки по церк.-полит. истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 1913, 2003р. С. 20-38; *Грушевський М. С.* історія України-Русі. К., 19133. К., 1991р. С. 478-538; *Серебрянский Н. И.* Древнерус. княжеские жития. М., 1915. С. 43-81 (2-я паг.); *Шмурло Е.* Когда и где крестился Владимир Св.? Прага,

1928; *Baumgarten N.* Le dernier mariage de St. Vladimir // *OrChr.* 1930. Vol. 18, № 2. P. 165-168; *Рыдзевская Е. А.* Легенда о кн. Владимире в саге об Олаве Трюгвасоне // *ТОДРА.* 1935. Т. 2. С. 5-20; *Владимирский сб.: В память 950-летия Крещения Руси: 988-1938.* Белград, [1938]; *Жданов Р. В.* Крещение Руси и Начальная летопись // *ИЗ.* 1939. Т. 5. С. 3-30; *Каргер М. К.* К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны // *КСИИМК.* 1940. Кн. 7. С. 76-80; *Пархоменко В. А.* Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // *УЗ ЛГУ. Сер. ист. наук.* 1941. № 8. С. 202-213; *Соловьев А. В.* О печати и титуле Владимира Св. // *BSl.* 1947/1948. Т. 9. P. 31-45; *Hellmann M.* Vladimir der Heilige in der zeitgenössischen abendländischen Überlieferung // *JGO.* 1959. Bd. 7. S. 397-112; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Др. Руси. М., 1968 (по указ.); *Львов А. С.* Исследование «Речи философа» // *Памятники древнерус. письменности: Язык и текстология.* М., 1968. С. 333-396; *Poppe A.* The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986-988 // *DOP.* 1976. Vol. 30. P. 197-244 (перепеч.: *Poppe A.* The Rise of Christian Russia. L., 1982. N II); *idem.* Vladimir, prince chretien // *Le origini e lo sviluppo della*

cristianità slavo-bizantina / Ed. S. W. Swierkosz-Lenart. R., 1992. P. 43-58. (Nuovi studi storici; T. 17); *Poppe D., Poppe A.* Dziewosłęby o porfirogetetkę Anne // *Cultus et cognitio: In honorem A. Gieysztor.* Warsz., 1976. S. 451-468; *Schreiner P.* Ein wiederaufgefundener Text der Narratio de Russorum conversione und einige Bemerkungen zur Christianisierung der Russen in byzant. Quellen // *Bbl.* 1978. T. 5. S. 297-303; *Рапов О. М.* О дате принятия христианства кн. Владимиром и киевлянами // *ВИ.* 1984. № 6. С. 34-47; он же. Еще раз о датировке взятия Корсуня кн. Владимиром // *ВВ.* 1988. Т. 49 (74). С. 190-194; *Богданова Н. М.* О времени взятия Херсона кн. Владимиром // *ВВ.* 1986. Т. 47(72). С. 39-46 (см. также: *ВВ.* 1988. Т. 49. С. 195-201); *Müller L.* Die Taufe Russlands. Münch., 1987. S. 92-116; он же. Рассказ «Повести временных лет» о крещении Владимира Святославича // *Мюллер Л.* Понять Россию: Ист.-культурные исслед. М., 2000. С. 60-70; *Vodoff V.* Naissance de la Chretienté russe. P., 1988 (по указ.); *Tausend Jahre Christentum in Russland: Zum Millenium der Taufe der Kiever Rus'* / Hrsg. K. Ch. Felmy, G. Kretschmar, F. von Lilienfeld, C.-J. Roepke. Gött., 1988; *Obolensky D.* Cherson and the conversion of Rus': An anti-revisionist View // *BMGS.* 1989. Vol. 13. P. 244-

256; *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Др. Руси X-XIII вв. М., 1989 (по указ.); Proc. of the Intern. Congress Commemorating the Millenium of Christianity in Rus'-Ukraine / Ed. O. Pritsak, I. Ševčenko, M. Labunka. Camb. (Mass.), 1990. (HUS; Vol. 12/13); *Shepard J.* Some remarks on the sources of the Conversion of Rus' // *Le origini e lo sviluppo...* P. 59-96; *Беляев С. А.* Поход кн. Владимира на Корсунь: (Его последствия для Херсонеса) // ВВ. 1991. Т. 51(76). С. 153-164; *он же.* О названии церкви, в к-рой был крещен кн. Владимир // ДРВМ. 2001. № 2 (4). С. 50-68; *Seibt W.* Der hist. Hintergrund und die Chronologie der Taufe der Rus' (1989) // *The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow* / Ed. A.-E. Tachiaos. Thessal., 1992; *Арранц М.* О Крещении кн. Владимира // Тысячелетие введения христианства на Руси, 988-1988. [М.], 1993. С. 61-76; *Архинов А. К.* К изучению сюжета о выборе веры («Повесть временных лет» и «еврейско-хазарская переписка») // *Jews and Slavs.* Jerusalem; St.-Pb., 1993. Vol. 1. P. 20-43; *Васильев М. А.* Вел. кн. Владимир Святославич: от языческой реформы к Крещению Руси // *Славяноведение.* 1994. № 2. С. 38-55; *Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX-X вв. // *Древнейшие гос-ва на территории России*, 1991 г. М., 1994. С. 99-

131; *он же*. Др. Русь на междунар. путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, полит. связей IX-XII вв. М., 2001. С. 339-450; Пономарёв А. Л., Сериков Н. И. 989 (6496) год - год Крещения Руси: (Филол. анализ текстов, астрология и астрономия) // Причерноморье в Средние века. М., 1995. Вып. 2. С. 4, 60-182; Милов А. В. Легенда или реальность? (О неизв. реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. М., 1996. № 1. С. 201-218; Подскальски Г. Христианство и богосл. лит-ра в Киевской Руси (988-1237 гг.). СПб., 1996 (по указ.); Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 1997. (ЖЗЛ); Поппе А. В. Владимир Святой: У истоков церк. прославления // Византинороссика. 2000. Т. 2. С. 9-55; Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г. // ВЯ. 2000. № 2; Korpela J. Prince, Saint and Apostle: Prince Vladimir Svjatoslavič of Kiev, his Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power. Wiesbaden, 2001; Успенский Б. Когда был канонизирован кн. Владимир Святославич? // Palaeoslavica. 2002. Т. 10. № 2. Р. 271-281; Жиленко І. В. Описи знайдення мощей св. рівноапостольного кн. Володимира свт. Петром Могилою // Могилянські читання, 2002 р.: 36.

наук. праць. К., 2003. С. 196-204; [Клосс] Б. М. Житие кн. Владимира // Письменные памятники истории Др. Руси. СПб., 2003. С. 199-201; Щапов Я. Н. «Память и похвала» кн. Владимиру Святославичу Иакова мниха и Похвала кнг. Ольге // Письменные памятники истории Др. Руси. СПб., 2003. С. 181-185; Маясова Н. А. Вновь обретенный шедевр // ГММК. Мат-лы и исслед. М., 1995. Т. 10: Древнерус. худож. шитье. С. 39-52; Силкин А. В. Неизвестный памятник Строгановского лицевого шитья из г. Хлынова // Там же. С. 131, 133.

В. С. в богослужебных текстах

упоминается уже в каноне князьям-страстотерпцам Борису и Глебу в Минее служебной 1-й пол. XII в. (РГАДА. Ф. 381. № 122). Древнейший список служебной Минеи, содержащей стихиры и канон В. С., датируется сер. XIV в. (РНБ. Соф. № 382. Л. 67-71 об.). В тексте канона есть упоминания, свидетельствующие о том, что он был создан, когда существовала церковь, освященная во имя равноап. кн. Владимира: «Придете вси, снидетется к четьней церкви Володимера святого, нареченаго Василия, преблаженаго

великаго князя угодника Христова преславнаго» (Соф. № 382. Л. 69; тот же текст есть и в др. списках XIV-XV вв.: Соф. № 209. Л. 131; Соф. № 386. Л. 77 об.). Встречается в каноне и эпизод ниспровержения идолов Перуна и проч. языческих богов на месте строительства церкви: «Божественною волею твоею безбожнаго Перуна и кущу бесовскую скрушивъ, и къ опаши коньстии привязавъ, повеле бити воиномъ идолы (РНБ. Соф. № 382. Л. 68 об.). В стихире «О преславное чудо» из того же списка говорится о связи имен свт. Василия Великого и В. С., сравниваемых, как в «Слове» митр. Илариона, с ап. Павлом: «От лица днесь Василия веселяхутьс, въ честней его церкви, и царствует Христос Бог, обретеvъ его яко Паула прежде, и поставивъ князя вернаго на земли своеи» (РНБ. Соф. № 382. Л. 67).

Равноап. кн. Владимир, святые князья Борис и Глеб в житии. Икона из ц. Рождества

Богородицы в Вологде. 3-я четв. XVI в. (ВГИАХМЗ)

М. Славнитский выявил 3 редакции службы В. С. (XIII, XV и XVI вв.) и сделал вывод, что в печатные минеи XVII-XIX вв. не вошли многие из древнейших текстов. В ряде нотированных рукописей XVI-XVII вв. (напр., РНБ. Кир.-Бел. № 586/843) содержится служба, неск. песнопений к-рой повествуют об отношениях В. С. с Хазарией.

Самый ранний нотированный источник, содержащий стихиры В. С., был выявлен прот. Василием Металловым и датируется кон. XIV в. (РГБ. Ф. 113. № 3. Л. 183-183 об.). Со временем служба В. С. была обогащена новыми вариантами и редакциями распевов: так, в полном Стихираре сер. XVII в. (РГБ. Ф. 379. № 66. Л. 331 об.-339 об.) 11 стихир В. С. имеют надписание «ино знамя». Существует также путевая редакция песнопений В. С. (напр., РНБ. Кир.-Бел. № 623/889).

Тексты песнопений В. С. опубликованы в трудах митр. Макария (Булгакова) (История Русской Церкви: В 2 т. СПб., 1857. Т. 1. С. 250-254), И. К. Куприянова (Обозрение пергаменных рукописей новгородской Софийской б-ки. СПб., 1857. С. 69), Е.

Е. *Голубинского* (История РЦ. М., 1881. Т. 1. Ч. 2. С. 443-444), Славнитского. Муз. текст 2 стихир В. С. издавался прот. В. Металловым, Р. *Паликаровой-Вердей*, Н. С. *Серёгиной*. Лит.: *Славнитский М.* Канонизация св. князя Владимира и службы ему по спискам XIII-XVII вв. с прил. двух неизд. служб по рукописям XIII и XVI вв. // Странник. 1888. № 5/6. С. 197-238; *Соболевский А. И.* Памятники древнерус. лит-ры, посвящ. Владимиру Святому // ЧИОНЛ. 1888. Кн. 2. Отд. 2. С. 7-12, 17-30, 45-58; он же. «Память и похвала» св. Владимиру и «Сказание» о св. Борисе и Глебе // ХЧ. 1890. Ч. 1. С. 791-795; *Срезневский В. И.* Мусин-Пушкинский сб. 1414 г. в копии нач. XIX в.. СПб., 1893. С. 18; *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиогр. писания. СПб., 1908. С. 198-217; *Металлов В. М.* Русская семиография. СПб., 1912. Табл. 62; *Бугославский С. А.* К лит. истории «Памяти и похвалы кн. Владимиру» // ИОРЯС. 1925. Т. 29. С. 105-159; *Федотов Г. П.* Канонизация св. Владимира // Владимирский сб. Белград, 1939. С. 188-196; *Palikarova-Verdeil R.* La musique byzantine chez les bulgares et les russes. Copenhagen, 1953. Р. 169-170; *Розов Н. Н.* Рукописная традиция «Слова о законе и благодати» // ТОДРА. 1961. Т. 17. С. 42-53; *Подобедова О.*

И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 10-21; *Высоцкий С. А.* Ктиторская фреска Ярослава Мудрого в Киевской Софии // ДРИ. М., 1988. [Вып.:] Художественная культура X - 1-й пол. XIII в. С. 120-134; *Серегина Н. С.* Песнопения рус. святым: (По мат-лам рукописной певч. книги XI-XIX вв. «Стихирарь месячный»). СПб., 1994. С. 66-73, 244-249, 300-309.

Н. С. Серёгина

Прижизненные изображения В. С.

Древнейшие изображения сохранились на монетах В. С.- т. н. златниках и сребрениках, чеканенных после Крещения Руси, на рубеже X-XI вв., к-рые в иконографическом отношении являются переработанным повторением визант. солидов и милиарисиев X в., а также имп. печатей того же времени. На лицевой стороне златников и сребреников помещено изображение В. С. по образцу поясных имп. портретов на визант. монетах и печатях, но дополненное схематичным изображением ног и превратившееся в портрет государя, восседающего на престоле (в визант. монетной иконографии того периода подобный тип уже не использовался). Для всех монетных изображений князя характерны общие

физиогномические признаки и атрибуты: В. С. с усами и выбритым подбородком, в плаще, с крестом в правой руке и в имп. венце с подвесками-пендулиями (по мнению М. П. Сотниковой, на нек-рых штемпелях вырезано изображение рус. высокой шапки). На оборотной стороне монет I типа располагается поясное изображение Христа Вседержителя с закрытым Евангелием. К числу особенностей I типа, не имеющих аналогов в визант. монетах, относятся размещенный над левым плечом В. С. княжеский знак-трезубец (на монетах II-IV типов встречается на обороте) и надпись: «Владимир на столе» или «Владимир, а се его злато/сребро» (первую считают наиболее ранней), на сребрениках др. типов оба варианта легенды объединены. Известен экземпляр сребреника IV типа с уникальной надписью, указывающей языческое и христ. имена князя: «Владимире серебро святого Василя». На монетах II и IV типов В. С. представлен с нимбом.

Рогнеда, Супруга кн. Владимира, покушается на жизнь мужа. Миниатюра из Радзивилловской летописи Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 163)

Не исключено, что раннее посмертное изображение В. С. входило в состав ктиторской композиции, располагавшейся в зап. части собора Св. Софии в Киеве (40-е гг. XI в.). С. А. Высоцкий считал, что в центре ктиторской фрески по сторонам Христа на престоле были представлены В. С. и кнг. Ольга, за к-рыми следовали кн. Ярослав с храмом в руках, кнг. Ирина и их дети.

Миниатюры лицевых летописей

Подробный цикл миниатюр (ок. 60), иллюстрирующий рассказ о правлении В. С., содержится в Радзивилловской летописи кон. XV в. (БАН. 34.5.30), иллюстрации к-рой, как считается, восходят к лицевому протографу раннего XIII в. или к неск. лицевым рукописям домонг. времени. По мнению Д. В. Айналова, миниатюристы Радзивилловской летописи также пользовались древними лицевыми житиями князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, кнг. Ольги и В. С. Основной цикл миниатюр, посвященных княжению В. С., занимает листы

37-74, открывается изображением вокняжения В. С. в Новгороде (970) и заканчивается сценой его погребения в Десятинной ц. (1015). На листах 163-163 об. находятся миниатюры, которые соответствуют летописному известию под 1128 г. (женитьба В. С. на Рогнеде, ее покушение на В. С., заступничество за мать Изяслава и основание Изяславля). В. С., как правило, представлен средовеком, с небольшой бородой, в княжеской шапке, рубахе и плаще. В сцене Крещения он показан с нимбом, к-рый иногда встречается и в др. миниатюрах, соответствующих христ. периоду жизни князя (строительство Десятинной ц., поход на печенегов). Изображения вручения меча Борису и тайного выноса тела В. С. из терема в Берестове по приказу кн. Святополка находят аналогии в начальных сценах житийных циклов Бориса и Глеба в лицевых рукописях и иконах XIV-XVII вв.

Равноапостольные кн. Владимир и кнг. Ольга.

Фрагмент иконы «Собор святых великих князей, княгинь и княжон» из собора во имя равноап. кн. Владимира в С.-Петербурге. XIX в.

Кроме Радзивилловской летописи изображение В. С. существовало в Голицынском томе Лицевого летописного свода 70-80-х гг. XVI в. (РНБ. Ф. IV. 225). На утраченном л. 55 (см.: *Арциховский*. С. 118; воспроизведен: в ПСРА. Т. 9. СПб., 1862. М., 2000р. Цв. вкл.), под 1128 г. князь (с короткой бородой и в закрытом венце) был представлен пирующим с женами, взятыми им после рождения Изяслава.

Иконография В. С. в XIV-XVII вв.

Достоверные изображения В. С. домонг. периода неизвестны в отличие от большого количества сохранившихся изображений князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, с образами к-рых уже на ранних этапах развития иконография В. С. была тесно связана (см. ст.: *Борис и Глеб*). Предположения нек-рых ученых о том, что В. С. был изображен на фресках таких домонг. храмов, как собор Успения Пресв. Богородицы во Владимире или ц. Преображения Господня на Нередице (*Петров*. 1888(2); *Susev*. 1932), из-за плохой

сохранности или разрушения памятников не могут считаться доказанными.

Греч. проповедник представляет кн. Владимиру изображение Спасителя. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 58)

Вероятно, сложение иконографии В. С. связано с Вел. Новгородом и приходится на рубеж XIII-XIV вв. По предположению Т. Ю. Царевской, изображение В. С. как старца в синем кафтане и красном плаще сохранилось в росписи диаконника ц. свт. Николы на Липне близ Вел. Новгорода (между 1292-1299) (см.: *Царевская Т. Ю. Новые данные о составе росписей церкви Николы на Липне // ДРИ. СПб., 1997. [Вып.:] Русь: Византия: Балканы: XIII век. С. 421 (схема), 426, 429-430). В 1311 г. архиеп. Давид возвел на ворота новгородского Детинца первую на Руси церковь во имя равноап. кн. Владимира, для к-рой должны были написать храмовый образ. Возможно, с древнейшими изображениями В. С. могла быть связана утраченная в XX в. икона, к-рая происходила*

из той же церкви и хранилась в Никольской часовне новгородского Детинца (*Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церк. древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2. С. 104; *Гусев.* 1921. Табл. VI). На этой иконе (XVI в.?) в отличие от известных ранних иконных изображений В. С. был представлен по пояс, с крестом и свитком с надписью, воспроизводившей текст молитвы В. С. после Крещения киевлян. Рядом с фигурой В. С. размещались изображения мучеников Кирика и Иулитты, чья память также празднуется 15 июля, а по сторонам лика князя находились полуфигуры его сыновей Бориса и Глеба в круглых медальонах. Отдельные поясные изображения В. С. были редки в средневековом искусстве (одно из немногих исключений - поясное изображение В. С. на иконе XVII (?) в. в иконостасе юж. придела ц. свт. Николая на Рогожском кладбище в Москве; икона В. С. со Спасителем на верхнем поле упом. также в Описи Кирилло-Белозерского мон-ря 1601 г.: Опись строений... 1998. С. 60).

Равноап. кн. Владимир. Роспись
Архангельского собора Московского Кремля.
1652-1666 гг.

В кон. XIV - 1-й пол. XV в. изображения В. С. получили широкое распространение, прежде всего в Вел. Новгороде (фреска ц. вмч. Феодора Стратилата на Ручью, посл. треть XIV в.) и Москве (воздух кнг. Марии Тверской, 1389, ГИМ). К этому времени сформировались основные варианты иконографии В. С. и наиболее устойчивые признаки, зафиксированные позднейшими иконописными подлинниками: седины, тип прически и кудрявой раздвоенной бороды, отличный и от прижизненных изображений на монетах, и от миниатюр Радзивилловской летописи: «Образом и брадою аки Иоанн Богослов, а власы на главе кудреваты, аки Минины» (*Большаков. Подлинник иконописный. С. 116; см. также: Иконописный*

подлинник новгородской редакции кон. XVI в. М., 1873. С. 120). В ряде произведений XVI и особенно XVII вв. В. С. изображается с более широкой, лишь слегка раздвоенной бородой. Постоянными атрибутами В. С. в соответствии с его почитанием как идеального правителя и просветителя Руси являются меч в левой руке и крест в правой.

Сребреник кн. Владимира I типа. Кон. X - нач. XI в. Аверс, реверс

В нек-рых ранних памятниках В. С. представлен в традиц. для древнейших княжеских изображений плаще-корзне (фреска ц. вмч. Феодора Стратилата на Ручью), на воздухе 1389 г. он показан в накиннутой на плечи шубе. Отличительными чертами московской и новгородской иконографии В. С. являются типы его головного убора: для ранних новгородских произведений (фреска ц. вмч. Феодора Стратилата на Ручью, миниатюры Сильвестровского сборника 2-й пол. XIV в. (РГАДА. Тип. Ф. 381, № 53) и Сборника 1414 г. из собрания А. И. Мусина-Пушкина, более

поздний пример - псковская икона «Успение Богоматери, Владимир, Борис и Глеб» (1-я пол. XVI в., ПИАМ)) типична княжеская шапка, тогда как для московских памятников более характерен открытый, чаще всего городчатый царский венец, зрительно уподобляющий равноап. Крестителя Руси визант. имп. св. равноап. Константину Великому (клеймо иконы «Борис и Глеб с житием» из Коломны, кон. XIV в., ГТГ; воздух 1389 г.; пелена «Богоматерь Одигитрия Смоленская с избранными святыми», 2-я пол. XV в., ГММК). На основе такого образа В. С. было создано уникальное изображение кн. мч. Михаила Черниговского с городчатым венцом на мощевике 2-й пол. XV в. (ГИМ). Уже в XV в. городчатый венец встречается на новгородских изображениях В. С.- иконе деисусного чина из собрания И. С. Остроухова (1-я пол. XV в., возможно, ок. 1414 г., из ц. равноап. кн. Владимира в новгородском Детинце (?), ныне в ГТГ) и иконе-таблетке из новгородского Софийского собора (кон. XV в., ГТГ, музей-квартира П. Д. Корина). Редкой чертой иконы из собрания И. С. Остроухова являются одежды В. С.: не рус. плащ или шуба, а хламида античного патриция с таблионом, характерная для деисусных изображений мучеников. Столь же редкий

вариант иконографии представлен на фреске собора в честь Рождества Богородицы в Ферапонтовом мон-ре (1502): князь показан в лоратном дивитисии, что сближает его облик с иконографией имп. Константина (эта особенность отражает идею преемственности Московского государства и Русской церкви по отношению ко Второму Риму - К-полю). В XVI-XVII вв. В. С. всегда изображается в шубе, которая украшается богатым орнаментом, и в городчатом венце, хотя в ряде памятников XVII в. вновь встречаются изображения княжеской шапки (икона «Владимир, Борис и Глеб с житием Бориса и Глеба». Кон. XVII - нач. XVIII в., ГВСМЗ). Кроме того, известны изображения В. С. в царском венце с округлым закрытым верхом: на иконе «Владимир, Борис и Глеб» (1675, ГМЗК). Со 2-й пол. XVII в., возможно под воздействием укр. книжной гравюры, В. С. часто изображали со скипетром и державой (фреска ц. Рождества Христова в Ярославле, 1683).

Равноап. кн. Владимир в сонме русских святых. Фрагмент иконы «Все святые, в земле Российской просиявшие» из Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 2-я пол. XX в. Мастер мон. Иулиания (Соколова)

В росписи новгородской ц. вмч. Феодора Стратилата на Ручью В. С. впервые изображен между своими сыновьями. Подобные композиции отражали почитание В. С. как просветителя и защитника Русской земли, от которого произошли 2 «святые отрасли», Борис и Глеб (*Успенский Б. А.* Борис и Глеб: Восприятие истории в Др. Руси. М., 2000. С. 43-44), как родоначальника правящей княжеской династии, что указывало на родство рус. князей с Крестителем Русской земли и с его сыновьями-страстотерпцами, традиционно воспринимавшимися покровителями своих сродников-государей. Тема плотского родства и духовного единения св. князей нашла еще более

полное отражение в особой разновидности этого извода, к к-рой принадлежала миниатюра новгородского Сборника 1414 г. с минейными статьями на 15 июля (находился в собрании гр. Мусина-Пушкина, погиб в московском пожаре 1812 г.; миниатюра известна по акварельной копии). В. С. был представлен возлагающим руки на плечи склонившихся к нему Бориса и Глеба, отличительная черта этого произведения - отсутствие мечей не только у Бориса и Глеба, но и у В. С. Совместные изображения В. С., Бориса и Глеба в XV-XVI вв. послужили моделью для формирования иконографии др. рус. князей: Феодора, Давида и Константина Ярославских, Константина, Михаила и Феодора Муромских (Смирнова. 1994. С. 433; Сухова О. А. Житийная икона св. благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских: Александр Казанцев, 1714 г. [в печ.]). В большинстве таких композиций в центре стоит князь-отец, по сторонам - юные сыновья, варианты этой схемы известны на иконах XVI в. (ГРМ), где вместо В. С. представлен его небесный покровитель святой свт. Василий Великий, и рубежа XVII-XVIII вв. (ПИАМ) с изображениями Бориса, Глеба и псковского кн. Всеволода (Гавриила), продолжателя дела бабки В. С., кнг. Ольги, легендарной основательницы

псковского Троицкого собора, возобновленного Всеволодом.

Кн. Владимир посылает сына св. кн. Бориса в поход против печенегов (вверху).

Погребальный обряд над телом кн. Владимира (внизу). Сказание о Борисе и Глебе.

Сильвестровский сборник. 2-я пол. XIV в.
(РГАДА. Ф. 381, № 53. Л. 117)

Иконы с изображением В. С., Бориса и Глеба получили широкое распространение в XVI-XVII вв., часто в сочетании с житийным циклом Бориса и Глеба на полях. Произведения такого типа могли предназначаться как для храмов, освященных во имя святых Бориса и Глеба (икона 1545 г. из новгородской ц. святых Бориса и Глеба в Плотниках, ПИАМ; 2-сторонняя икона «Богоматерь Владимирская; Владимир, Борис и Глеб» XVI в. из ц. святых Бориса и Глеба в Ростове, ГМЗРК), так и для немногочисленных храмов и приделов во имя

равноап. кн. Владимира: согласно Описи Кирилло-Белозерского мон-ря 1601 г., храмовой иконой ц. равноап. кн. Владимира служило изображение В. С., Бориса и Глеба (Опись строений... С. 99). В нек-рых памятниках XVI-XVII вв. традиц. композиция с фронтальными фигурами князей неск. видоизменяется: на житийной иконе (ГВСМЗ) Борис и Глеб представлены в повороте к отцу, они ниже его ростом (вероятно, этот вариант иконографии восходил к произведениям, подобным миниатюре из Сборника 1414 г., или появился под воздействием аналогичных изображений ярославских князей, известных уже во 2-й пол. XVI в.).

Прибытие царевны Анны в Корсунь, приветствие ее кн. Владимиром. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 62)

С кон. XIV в. изображение В. С. включали в состав сложных иконографических программ, насыщенных историческими и символическими

ассоциациями. На воздухе 1389 г. образ В. С. (соименный святой кн. Владимира Андреевича Серпуховского) был представлен с др., возможно, патрональными изображениями (вмч. Димитрий Солунский, Алексей, человек Божий), с фигурами Бориса и Глеба, а также с изображениями Московских митрополитов. В росписи собора в честь Рождества Богородицы в Ферапонтовом мон-ре изображение В. С. в медальоне на юж. подпрудной арке сопоставлено не только с фигурами его сыновей, но и с образом св. Евстафия Плакиды, к-рый, как позднее В. С., обратился к Христу и чьи дети, подобно Борису и Глебу, претерпели мученическую смерть (это сравнение известно также из «Чтения о святых мучениках Борисе и Глебе»), с изображениями Иосифа и Вениамина, любимых сыновей прав. Иакова, к-рым уподоблены Борис и Глеб в «Сказании о Борисе и Глебе», а также с изображениями святых Михаила и Феодора Черниговских, продолжающими тему княжеской святости (Смирнова Э. С. Роспись подпрудных арок собора Ферапонтова мон-ря: Состав фигур и замысел // К 500-летию создания фресок Дионисия в Ферапонтовом мон-ре: Рус. и поствизант. искусство рубежа XV-XVI вв. Ферапонтово; Кириллов, 20-24 авг.

2002 г. М., 2002. С. 60-61). В сер. XVI - XVII в. на столпах храмов стали размещать не только фигуры мучеников, но и рус. князей, изображения В. С., как правило рядом с сыновьями, стали традиционны для программ храмовых росписей (напр., в соборе Спасского мон-ря в Ярославле, 1563; в ц. Св. Троицы в Вязёмах, ок. 1600; в Рождественском соборе в Суздале, 1636 (под записью 1856), где присутствует и изображение кнг. Ольги; в Успенском соборе Княгинина мон-ря во Владимире (1647-1648); в Спасском соборе Спасо-Евфимиева мон-ря в Суздале (1689), где В. С. представлен в паре с Всеволодом (Гавриилом)). В нек-рых фресковых ансамблях образы В. С. связаны с посвящением храма (роспись св. ворот Кирилло-Белозерского мон-ря (1585) с сюжетами, соответствующими посвящениям монастырских престолов; несохранившееся изображение В. С. на паперти собора того же мон-ря у входа в ц. равноап. кн. Владимира (Опись строений... С. 73, 218). Этот принцип получил развитие в росписи аркасолия с гробницами преподобных Феодора и Павла (30-е гг. XVI в.?) в соборе Борисоглебского мон-ря на Устье: в люнете помещена композиция с Борисом, Глебом и припадающими преподобными Феодором и

Павлом, на склонах арки представлены В. С. и свт. Леонтий Ростовский как просветители Руси и Ростовской земли.

Крещение киевлян. Роспись Владимирского собора в Киеве. Худож. В.М. Васнецов. 1885-1896 гг.

С 1-й пол. XVI в. изображения В. С. с сыновьями часто входили в состав сложных композиций с фигурами святых, объединенных по чинам святости: В. С. - в лике мучеников, рядом в лике апостолов - имп. Константин (иконы «О Тебе радуется» из Успенского собора в Дмитрове, 1-я треть XVI в., ныне ГТГ; «Покров» из собрания Н. П. Лихачёва, 30-40-е гг. XVI в., ныне ГРМ). Уже во 2-й четв.- сер. XVI в., когда на подобных иконах выделяли группы рус. святых, В. С. все чаще изображался в лике святых царей и князей, как на иконе «О Тебе радуется» (2-я четв. XVI в., ГРМ), где В. С. помещен во главе группы; на одноименной

иконе из новгородской ц. святых Петра и Павла в Кожевниках (ок. 1558, НГОМЗ) В. С. изображен позади имп. Константина; на иконе «Походная церковь» (70-е гг. XVI в., ТОКГ) В. С. показан рядом с кнг. Ольгой и псковскими князьями. Эта тенденция получила особое распространение в искусстве рубежа XVI-XVII вв., прежде всего в произведениях, связанных с родом Строгановых, где святые цари и князья образуют самостоятельную группу и одно из важнейших мест заняли образы В. С., Бориса и Глеба (иконы «О Тебе радуется» из собрания И. С. Остроухова, рубеж XVI-XVII вв., ГТГ; «Неделя всех святых» из с. Усть-Кишерть, до 1616, ПГХГ; изображения на створках многочисленных складней с «Богородицею Владимирской» в среднике и ликами святых на створках - ГТГ, ГРМ, ПГХГ). С XVI в. изображение В. С. постоянно присутствует на минейных иконах под 15 июля (икона, кон. XVI в., ВГИАХМЗ).

Равноап. кн. Владимир. Икона из деисусного чина. 1-я пол. XV в. (ГТГ)

В соответствии с идеями эпохи царя Иоанна IV, прежде всего актуализацией темы святости государей и их родословия, изображения В. С. и его ближайших св. сродников стали обязательными в убранстве домовых храмов и палат Кремлевского дворца в Москве сер. XVI в., подчеркивая генеалогическую связь московских правителей со св. князьями киевского периода и избранность правящего рода Рюриковичей. В галерее изображений рус. князей на столпах Благовещенского собора Московского Кремля (1547-1551) В. С. представлен вместе с кнг. Ольгой, их изображения сопоставлены с др. царственными поборниками Православия: имп. Константином и имп. Еленой, восстановителями иконопочитания имп. Михаилом и имп. Феодорой, а также с киевскими, владимирскими и московскими князьями-потомками В. С. (Самойлова. 2003. С. 32). В росписи 1652-1666 гг. Архангельского собора Московского Кремля, повторявшей программу 1564-1565 гг., напротив В. С. (отличительная черта этого образа - вздетые руки,

символизирующие молитву князя о новообращенных людях и о всей Русской земле) - кнг. Ольга, по соседству находятся изображения Бориса и Глеба. Образы В. С., Ольги, Бориса и Глеба, открывающих историю рус. княжеской святости, присутствуют и в росписи лоджии Архангельского собора (Самойлова. 2002), соседствуя с серией композиций, посвященных Крещению Руси. Сходный цикл, дополненный сценами получения царских регалий кн. Владимиром Мономахом, фигурой В. С. у царского места, присутствовал в несохранившейся росписи Золотой палаты Кремлевского дворца (50-е гг. XVI в.), известной по описанию 1672 г. (см.: Забелин. 2000. Т. 1. С. 175, 177). Традиция включения сцен из жизни В. С. в декор парадных дворцовых залов была продолжена при царе Феодоре Иоанновиче в росписи Грановитой палаты, где В. С. изображен раздающим города своим сыновьям (Там же. С. 183; композиция повторена в сохранившейся росписи 80-х гг. XIX в., выполненной палешанами Белоусовыми). Изображения В. С. неоднократно встречаются в произведениях, являвшихся личными вкладами царя Иоанна IV: полуфигура на кайме шитой катапетасмы для мон-ря Хиландар на Афоне, 1555 г. (в паре

с имп. Константином); поясные изображения В. С., Бориса и Глеба на нижнем поле оклада Евангелия 1568 г. из Благовещенского собора Московского Кремля (ГММК), где также представлены почитавшиеся в царской семье прп. Никита Переяславский и вмц. Анастасия. В качестве небесного покровителя кн. Владимира Андреевича Старицкого В. С. изображен на кайме плащаницы 1561 г. из Успенского собора Московского Кремля, вышитой в мастерской кн. Евфросинии (Евдокии) Старицкой (с 1812 находится в Успенском соборе Смоленска), без сыновей, в паре с прп. Евфросинией, покровительницей матери старицкого князя; на иконе, упомянутой в описи старицкого Успенского мон-ря (Описные книги старицкого Успенского монастыря 7111-1605 г. Старица, 1912. С. 16), - рядом с мч. Андреем Стратилатом, тезоименным кн. Андрею Старицкому. Еще одна важная для сер. XVI в. особенность - связь образа В. С. с темой Христова воинства, к-рая нашла яркое отражение в иконе «Благословенно воинство Небесного Царя» из Успенского собора Московского Кремля (сер. XVI в., ГТГ), где В. С., Борис и Глеб во главе отряда земных воинов и в сопровождении отрядов мучеников следуют за

арх. Михаилом, Иисусом Навином и имп. Константином к Небесному Иерусалиму. Восприятие В. С. как воина Христова проявилось в иконе-двуряднице из ц. в честь Входа Господня в Иерусалим в Каргополе (кон. XVI в., ВГИАХМЗ), где В. С. представлен рядом со святыми имп. Константином, Иаковом Персянином, Флором и Лавром, Димитрием, Миной, Никитой, Феодором Тироном и Меркурием.

Новый подъем интереса к образу В. С. со 2-й пол. XVII в. был связан с присоединением Украины, воспринимавшейся как исконное владение рус. государей - преемников В. С. (напр., строгановская пелена 60-х гг. XVII в. с изображением киевских и черниговских князей В. С., Бориса, Глеба, Николы Святоши, Михаила и Феодора Черниговских, СИХМ), с актуализацией визант. духовного наследия, полученного Русью благодаря В. С., и с вниманием к теме «государева родословия» с акцентом на фигуре В. С. как «корня» правосл. Московского царства. Возможно, усиление почитания В. С. было связано с присылкой, вероятно до 1640 г., частицы его мощей в Москву митр. Петром (Могилой), для хранения святыни была создана «крабница серебряная» (Успенский А. И. Церковно-археологическое

хранилище при московском дворце. М., 1902. С. 57) с вышитым на атласе образом В. С., очевидно восходившим к традиц. надгробным покровам рус. святых.

В XVII в. также распространялись изображения В. С. в составе родословного древа рус. государей: так, в росписи (1689) галереи собора Новоспасского мон-ря в Москве - усыпальницы рода Романовых - представлены В. С. и Ольга, поливающие древо с изображениями государей Рюриковичей (схожая роспись имелась на паперти Успенского собора Крутицкого архиерейского дома в Москве). Эта композиция, напоминая икону Симона Ушакова «Древо государства Московского» с Иоанном Калитой и митр. Петром, поливающими лозу, указывала на В. С. и Ольгу как просветителей Руси, насадивших древо Богоизбранной династии, к к-рой возводили свой род Романовы. Идея преемственности Романовых от рода Рюриковичей в более простой и отчетливой форме отражена в миниатюре Синодика царевны Татьяны Михайловны (ГИМ. Воскр. 66. Л. 56, 80-е гг. XVII в.): на побегах растения, обозначающего родословное древо, изображен сам В. С., вел. князя - потомки Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха, а также 3 первых царя

из династии Романовых. Эту тему продолжала фреска «Род царствия благословится» на своде сев. крыльца ц. прор. Илии в Ярославле (кон. XVII в. или 1716; см.: *Бусева-Давыдова, Рутман*. С. 68-70. Илл. 57), представляющая аллегорическую композицию, восходившую к выходной гравюре кн. «Меч духовный» архиеп. Лазаря (Барановича) (К., 1666). Неск. иначе идея преемственности царской власти отразилась в серии портретов рус. государей для Титулярника 1672 г., где миниатюра с образом В. С. (традиц. тип с открытой городчатой короной) входила в цикл изображений князей и царей от Рюрика до Алексея Михайловича. В посл. трети XVII в. продолжали включать образ В. С. в декор частных покоев царских палат, где образовывались небольшие «портретные галереи» с изображениями святых правителей: имп. Константина и В. С. в моленной царевны Софьи Алексеевны, имп. Константина, имп. Елены, пророков Давида и Соломона, В. С., кнг. Ольги, князей Бориса и Глеба, царевича Димитрия и др. персонажей - в комнатах царевны Марии Алексеевны (см.: *Забелин*. Т. 1. С. 195, 198). Такие изображения воспринимались не только как иконы, но и как портреты-«персоны» исторических лиц,

подобные «персоне князя Владимира Киевского на полотне» в доме кн. В. В. Голицына (Там же. С. 232).

В искусстве 2-й пол. XVII в. образ В. С. часто существовал независимо от изображений Бориса и Глеба, но оставалось актуальным сопоставление В. С. с имп. Константином: напр., резные, покрытые росписью фигуры имп. Константина и В. С. кон. XVII в. из ц. свт. Власия в Ярославле (ГМЗРК), вероятно восходящие к гравюре с изображением В. С. у корня родословного древа в кн. архиеп. Лазаря. В. С. и имп. Константин изображены лежащими под деревом, рядом с каждым - храм, в к-ром совершается таинство Крещения, а также Крещение народа в водоеме. Т. о. в наглядной форме утверждалось тождество подвигов обоих государей - крестителей народов и взрастителей Богонасажденной лозы. Изображения имп. Константина и В. С. находятся в местном ряду иконостаса ц. Преображения Господня в Новодевичьем монастыре (1687-1688). На той же иконе представлены св. Иоанн Предтеча и ап. Петр, на парной ей - святые имп. Елена, кнг. Ольга, мц. София и вмц. Параскева, что позволяет соотнести равноап. государей с правящим триумvirатом Иоанна V, Петра I и царевны Софьи. Др.

примером выражения гос. аспекта почитания В. С. во 2-й пол. XVII в. может служить знамя, в 1817 г. вывезенное из Польши и хранившееся в Андреевской ц. с. Грузина под Вел. Новгородом (позже в СПбДА). На обеих его сторонах находилось изображение конного В. С. с булавой, в сопровождении воинов направляющегося к воротам, над к-рыми виден Голгофский крест. Эта композиция, вероятно созданная по образцу знамен с изображением явления Креста имп. Константину (Петров. 1888 (2). С. 17-19), продолжает традицию уподобления В. С. этому императору и восходит к их изображениям на иконе «Благословенно воинство Небесного Царя». Особую иконографическую традицию представляют произведения, в к-рых В. С. изображен вместе с мучениками Кириком и Иулиттой (пелена «Арх. Михаил, Кирик и Иулитта с Владимиром и Алексием, человеком Божиим, на полях», XVII в., ГРМ; икона «Владимир, Кирик и Иулитта» из Кижского погоста, нач. XVIII в., Музей изобразительных искусств Республики Карелия, Петрозаводск). На иконе «Владимир, Моисей Угрин и Аркадий Новоторжский» письма Симона Ушакова и Георгия Зиновьева (1677, ТОКГ), подбор изображенных на ней святых, живших в

домонг. эпоху, связан с историей новоторжского Борисоглебского мон-ря, откуда происходит икона, и почитанием Бориса и Глеба: прп. Моисей был братом Георгия Угрина, слуги св. Бориса, убитого вместе с князем на р. Альте, Аркадий - учеником прп. Ефрема, основателя обители, по преданию жившего в XI в.

Во 2-й пол. XVII в. под воздействием укр. гравюры в рус. иконописи появляются изображения Собора Киево-Печерских святых, где иногда присутствуют и В. С. с Борисом и Глебом (УИХМ). В искусстве Пскова с XVII в. образ В. С. встречается на иконах «Видение старца Дорофея», основанных на тексте «Повести о приходе Стефана Батория на Псковскую землю» и посвященных чудесному избавлению Пскова от осады польск. войсками в 1581 г. В этих произведениях (древнейшее - Псково-Покровская икона Божией Матери 1-й пол. XVII в., собор Св. Троицы в Пскове) изображали беседу Богоматери со святыми, заступниками Пскова, - преподобными Антонием Печерским, Корнилием Псково-Печерским, архиеп. Нифонтом, князьями Всеволодом, Довмонтом и В. С.

Житийные циклы

Сцены с изображением В. С. появились во 2-й пол. XIV в. в составе житийных циклов князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, древнейшие примеры - икона Бориса и Глеба с житием из Коломны (кон. XIV в., ГТГ); миниатюры Сильвестровского сборника. Как правило, В. С. представлен сидящим на престоле, он посылает Бориса в поход против печенегов, др. сцена - погребение В. С.: вынос завернутого в саван тела из терема в Берестове, иногда с изображением погребальных саней, или вынос тела и его захоронение в Десятинной ц. (икона 1-й трети XVI в. из собрания Г. Д. Филимонова в ГТГ). В ряде случаев (рама 1-й пол. XVII в. из собрания С. П. Рябушинского, ГТГ) традиц. цикл из 2 композиций сокращается до изображения больного В. С., возлежащего на ложе и отсылающего Бориса в поход (эта же сцена, точно соответствующая житийным сведениям о болезни В. С., присутствует в рукописи рубежа XV-XVI вв. из собрания Н. П. Лихачёва (СПбФИРИ РАН, Архив. Колл. 238. Оп. 1, № 71)). Позднее в нек-рых иконах с циклом жития Бориса и Глеба появляются нетрадиц. клейма, где В. С. присутствует при рождении Бориса и Глеба (икона рубежа XVII-XVIII вв., ГВСМЗ); посылает своих сыновей на княжение. Иногда цикл жития Бориса и Глеба фактически

превращается в житийный цикл В. С. (икона «Борис и Глеб», из муромского Троицкого монастыря, 1-я пол. XVII в., ныне в МИХМ; из-за плохой сохранности надписей и схематичности композиций смысл нек-рых клейм не совсем ясен - см.: Хлебов Г. В. Житийная икона Бориса и Глеба из Муромы // ПКНО, 1982. Л., 1984. С. 263-274). Единственным известным циклом жития В. С. в иконописи является икона сер.-3-й четв. XVI в. из вологодской ц. Рождества Богородицы (ВГИАХМЗ; в среднике представлены В. С., Борис и Глеб), цикл к-рой включает 16 клейм (2 утрачены), в т. ч. сцены отправления послов для выбора веры, похода на Корсунь, Крещения и прозрения В. С., перенесения мощей свт. Климента в Киев, истребления кумиров, Крещения киевлян, поставления церквей и преставления В. С. (Рыбаков. Табл. 54-55. С. 307). К числу интересных особенностей этого цикла относится сцена благодарственного моления В. С. с развернутым свитком в руках после Крещения киевлян. Выбор и последовательность сюжетов в целом соответствуют тексту Жития равноап. кн. Владимира.

С сер. XVI в. в монументальной живописи появились краткие циклы жития В. С. с

изображениями основных событий, связанных с Крещением Руси. Наиболее ранние из них относятся к украшениям кремлевских построек в эпоху Иоанна IV: в составе росписей Золотой палаты - сцены прений о вере, пребывания послов В. С. в Царьграде, Крещения В. С. и сокрушения идолов в Киеве (Забелин. Т. 1. С. 175). Более подробный цикл был помещен в лоджии Архангельского собора (1564-1565), где, в частности, были изображены сцена со взятием Корсуни, слепота В. С. и Крещение киевлян. Истории Крещения Руси были посвящены и монументальные циклы 2-й пол. XVII в. в приделе равноап. кн. Владимира в Успенском соборе Ярославля (1674, росписи не сохр., см.: Брюсова В. Г. Рус. живопись 17 в. М., 1984. С. 119) и в юж. галерее Воскресенского собора в Романове-Борисоглебске (ныне Тутаев, 1679-1680). В роспись галереи собора Новоспасского мон-ря в Москве включены сцены Крещения В. С. и кнг. Ольги, соотнесенные с изображениями этих же святых, поливающих родословное древо рус. государей.

Иконография В. С. в украинском искусстве

В средневек. искусстве Украины изображения В. С., как и князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, практически неизвестны. Интерес к их

образам возник лишь в XVII в. Чаще всего изображения В. С. встречаются в книжной гравюре: едва ли не самый ранний пример - гравюра киевского издания праздничной Минеи (Анфологиона) 1619 г. (о нем и др. укр. изданиях см.: Украинские книги кирилловской печати XVI-XVIII вв.: Кат. изд., хранящихся в ГБЛ. М., 1976. Вып. 1: 1574 г.- 1-я пол. XVII в.; М., 1981. Вып. 2. Ч. 1: Киевские изд. 2-й пол. XVII в.; М., 1990. Вып. 2. Ч. 2: Львовские, новгород-северские, черниговские и уневские изд. 2-й пол. XVII в.). Полуфигурное изображение князя в медальоне, с крестом, мечом, в шубе и городчатой короне точно повторяет рус. образец и свидетельствует об отсутствии собственно укр. иконографической традиции. На знакомство укр. мастеров с рус. иконографией указывает и икона «Владимир, Борис и Глеб» из пос. Ратно Волынской обл. (кон. XVII в., НХМУ, - *Miliaeva L. The Ukrainian Icon. Bournemouth; St.-Pb., 1996. Pl. 1*), следующая традиц. рус. схеме с фигурами Бориса и Глеба по сторонам от В. С. Однако сам иконографический тип В. С., как и во мн. др. укр. памятниках, претерпевает изменения, связанные с западноевроп. воздействием: В. С. представлен в шубе на горностаевом меху (знак княжеского достоинства), в «геральдической»

закрытой княжеской короне, со скипетром и крестом. В ряде произведений (напр., гравюра из Цветной Триоди 1685 г., напечатанная в черниговской Троицко-Ильинской типографии) в число атрибутов В. С. входит держава. Типлика В. С. в укр. памятниках зачастую сильно отличается от рус. произведений, напр. широкой окладистой бородой: икона Ивана Рутковича из Н. Скварявы (1697-1698, НМ(Л) - см.: *Откович В., Пилип'юк В. Українська ікона XIV-XVIII ст. Львів, 1999. Илл. на с. 92*). В надписях на нек-рых произведениях В. С. именуется царем.

При митр. Петре (Могиле) в связи с обретением гробницы В. С. в Десятинной ц. появляются изображения князя в монументальной живописи. В росписи киевской ц. Спасителя на Берестове, исполненной в 1644 г. афонскими художниками по заказу митр. Петра, изображение В. С. входит в состав ктиторской композиции над зап. входом в храм: митр. Петр представлен коленопреклоненным перед образом Христа Великого Архиерея, слева от к-рого стоит Богоматерь, справа - В. С. с широкой бородой, в шубе и закрытом венце (изображение В. С., очевидно, связано с известием о его кончине в Берестове). Вероятно, при митр. Петре, обновившем

киевский Софийский собор, фигура В. С. была включена в состав древней ктиторской композиции на его зап. стене: судя по копии кон. XVIII в. с рисунка А. ван Вестерфельда 1651 г., в центре древней фрески было помещено фронтальное изображение В. С. в шубе, закрытом городчатом венце, с мечом и скипетром. К этому произведению довольно близка гравюра из «Синописиса» Иннокентия (Гизеля) (К., 1680, и др. издания), в обрамление к-рой включены фигуры князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, а также изображения проповеди философа и Крещения В. С. Еще одна сцена деяний В. С. присутствует в гравюре из кн. архиеп. Лазаря (Барановича) «Трубы словес проповедных на нарочитыя дни праздников...» (К., 1674, 2-й вар. изд.) с изображением сокрушения идолов В. С. Особый иконографический тип, характерный только для укр. книжной гравюры, - изображения В. С. на престоле (Миней праздничная (Анфологион). Львов, 1638 и 1643, гравюра мастера Илии; *Антоний Радивилловский*. Огородок Марии Богородицы. К., 1676 - по сторонам престола представлены ангелы).

В нек-рых укр. изданиях XVII в. фигура В. С. включена в состав более сложных композиций.

На гравюре кн. архиеп. Лазаря «Меч духовный» (К., 1666) В. С. представлен полулежащим на земле у основания дерева с изображениями царя Алексея Михайловича, царицы Марии Ильиничны, царевичей Алексея, Феодора и Симеона (по сторонам показаны князья-страстотерпцы Борис и Глеб). Эта панегирическая композиция под названием «Род правых благословится» утверждала святость царского рода, восходящего к В. С., по словам ап. Павла: «Аще корень свят, то и ветви» (Рим 11. 16). С 20-х гг. XVII в. в киевских изданиях появлялись орнаментальные обрамления титульного листа с изображениями Киево-Печерской лавры и святых, где часто встречаются изображения В. С., Бориса и Глеба, кнг. Ольги, преподобных Антония и Феодосия Печерских, т. е. В. С. включен в число почитаемых киевских святых. Известны случаи сопоставления его фигуры с изображениями имп. Константина и ап. Андрея Первозванного, напоминавшими о Крещении Руси и расцвете христианства, предсказанном во время легендарного путешествия ап. Андрея по рус. землям.

Иконография В. С. в искусстве Нового времени

В рус. искусстве Нового времени образ В. С. занимает одно из центральных мест. Имп. Петра I в проповедях и панегириках часто уподобляли В. С. за насаждение Православия в завоеванных землях, Азове и Ингерманландии (Бусева-Давыдова И. Иконостас Петропавловского собора в Петербурге: Опыт истолкования иконогр. программы // Искусствознание. 1999. № 2. С. 518). Икона В. С. (Андрей Поспелов, Федор Артемьев, 1728-1729) в иконостасе Петропавловского собора в С.-Петербурге находится над иконой ап. Петра (Бусева-Давыдова. С. 514). В этом произведении традиц. образ князя получил переосмысление в духе барокко: из числа новых для иконографии В. С. признаков следует отметить латы, «геральдическую» княжескую корону с горностаевой опушкой и широкую длинную бороду, к-рая, впрочем, сохранила деление на 2 пряди. С 1-й пол. XVIII в. известны первые случаи распространенного в посл. сопоставления В. С. со св. блгв. кн. Александром Невским, к-рый в петровское время также получил исключительный статус «императорского святого»: икона «Апостолы Петр и Павел, Александр Невский и Владимир» из Петергофского дворца (Егор Грек, 1742, ГРМ), где В. С. включен в число святых, особо

почитавшихся в С.-Петербурге; местный ряд иконостаса нижней церкви Никольского Морского собора (М. Колокольников, 1757-1759) с иконой В. С., помещенной симметрично образу св. Александра Невского. Начиная с XVIII в. В. С. все чаще изображается отдельно от Бориса и Глеба.

Уже в петровское время образ В. С. стал достоянием не только церковного, но и светского искусства, включался в серии портретов рус. государей, появившиеся в 10-20-х гг. XVIII в.: «Родословие великих государей царей и великих князей российских» архиеп. Феофана (Прокоповича) с портретами, гравированными П. Пикартом (1717); гравированный А. Ф. Зубовым портрет имп. Екатерины I в окружении медальонов с портретами государей от Рюрика до Петра (1725), серия яшмовых инталий И. К. Дорша, выполненных по заказу Я. В. Брюса (20-е гг. XVIII в., ГЭ - см.: *Рязанцев*. С. 96). Внешний облик и костюмы В. С. и др. персонажей, как правило, не соответствовали исторической действительности, но напоминали портреты из Титулярников 70-х гг. XVII в. (серия Дорша) и получали подчеркнуто русифицированный облик. С повышением интереса к древней российской истории в царствование имп.

Екатерины II создание подобных исторических галерей, неизменно с портретами В. С., было продолжено серией портретных медалей (1768-1772) и серией барельефов Ф. И. Шубина для Чесменского дворца под С.-Петербургом (1774-1775, с 1831 в Оружейной палате ГММК, повторения в Петровском дворце и здании Сената в Московском Кремле - см.: Там же. С. 102). В свою очередь медали послужили образцами для портретных серий на костяных пластинах и кружках холмогорской работы. Деяния В. С. присутствуют в числе древнерус. тем, задававшихся выпускникам АХ в 1766-1773 гг.: покушение Рогнеды на В. С., Крещение и исцеление В. С. в Корсунь, философ, показывающий В. С. изображение Страшного Суда (Там же. С. 460-461). Одно из наиболее известных академических произведений - картина А. П. Лосенко «Владимир и Рогнеда» (1770, ГРМ; редкий для искусства Нового времени пример изображения молодого В. С. в «русском» костюме). Рождению В. С. посвящена одна из последних медалей незавершенной исторической серии 80-90-х гг. XVIII в. В некоторых случаях сцены деяний В. С. были частью картинных циклов на древнерус. сюжеты, украшавших дворцовые интерьеры, подобно

Воскресенскому залу Михайловского замка в С.-Петербурге, где картина «Крещение Владимира» (1799-1801, Дж. О. Аткинсон, ныне в ГТГ) сочеталась с изображениями победы кн. Дмитрия Донского на Куликовом поле, покорения Казани Иоанном IV и венчания на царство Михаила Феодоровича. Сходные произведения, выполненные в академической манере, могли помещать и в церковные интерьеры (картина С. Тончи «Крещение Руси при св. князе Владимире» из Успенского собора во Владимире, 1813-1814, ГВСМЗ).

Изображения В. С. стали почти обязательной частью декорации крупнейших соборов России XIX - нач. XX в., часто повторяясь в пределах одного храма. Иконы и росписи создавались ведущими мастерами академического направления. В силу сложившейся в Новое время традиции образ В. С. или сцены его деяний обычно были сопоставлены с изображениями св. Александра Невского или кнг. Ольги и реже, чем в средневековье, связаны с образами Бориса и Глеба. Наряду с живописными произведениями довольно широкое распространение получили скульптурные фигуры В. С. Так, бронзовая статуя (1804-1807, С. С. Пименов) помещена в нише сев. портика Казанского собора в С.-

Петербурге в паре со статуей св. Александра Невского (тема защиты России) и по соседству со скульптурами св. Иоанна Предтечи и ап. Андрея Первозванного (тема Крещения Руси); изображение В. С. с крестом, попирающего языческий жертвенник, выполнено в академической манере, но его облик и атрибуты (хитон, плащ, сапоги) указывают на стремление придать образу национальный характер. Как часто бывало в искусстве XIX в., В. С. представлен не в традиц. облике старца, но как могучий средовеков. Образ В. С. занял существенное место в убранстве Исаакиевского собора в С.-Петербурге: во 2-м ряду главного иконостаса (40-50-е гг. XIX в.) наряду с иконами святых покровителей членов имп. дома помещена икона В. С. и кнг. Ольги (Ф. П. Брюллов), симметрично к-рой расположена икона святых имп. Константина и имп. Елены. В люнетах сев.-зап. компартимента собора изображены основные эпизоды жизни В. С. (росписи Ф. Рисса): избрание греч. веры, возвращение зрения В. С., Крещение князя и Крещение киевлян. События княжения В. С. вместе с деяниями св. Александра Невского стали сюжетом рельефов внутренних дверей юж. портала собора (скульптор И. П. Витали). В храме Христа Спасителя в Москве горельефы с

фигурами В. С. и кнг. Ольги (40-60-е гг. XIX в., не сохр., воспроизведены при восстановлении храма) помещены на сев. фасаде по соседству с фигурами святых имп. Константина и имп. Елены (скульптор А. В. Логановский), а также на правых дверях того же фасада (скульптор Ф. П. Толстой). Образ В. С. неоднократно встречается в росписях интерьера храма и в иконостасе, на хоругвях, на колоколах (вместе с имп. Константином, св. Александром Невским, Борисом и Глебом, кнг. Ольгой, свт. Николаем Чудотворцем и др.); на хорах деяния В. С. (его Крещение и Крещение киевлян) составили часть цикла росписей с изображением основных событий церковной истории Руси киевского периода, сопоставленных с аналогичными событиями времен Московской Руси. В этих произведениях преобладает тип В. С.-средовека, его атрибуты (особенно венец) часто имеют визант. облик. В сер.- 2-й пол. XIX в. благодаря распространению мемориальных сооружений, посвященных важнейшим событиям рус. истории, образ В. С. становится частью крупнейших памятников на Владимирской горке в Киеве в виде огромной статуи князя с крестом и сценой Крещения киевлян на пьедестале (1853, В. И. Демут-Малиновский, П. К. Клодт, К. А. Тон); 1000-

летию России в Вел. Новгороде (1862, М. О. Микешин), где В. С. представлен в скульптурной группе в верхней части монумента, посвященной основным вехам истории России (с киевлянами, свергающими идолов и протягивающими князю младенца) и на пьедестале среди выдающихся деятелей рус. истории и культуры (вместе с кнг. Ольгой и митр. Михаилом). В этих памятниках В. С. придавали рус. облик: он в плаще и княжеской шапке. В др. произведениях офиц. светского искусства того периода продолжали включать образ В. С. в портретные галереи рус. государей (несохранившийся памятник имп. Александру II в Московском Кремле, 1893-1898, А. М. Опекушин, Н. В. Султанов) или в родословное древо Романовых (роспись свода парадных сеней Исторического музея в Москве, 80-е гг. XIX в., восходящая к фрескам галереи собора Новоспасского мон-ря).

Среди произведений 2-й пол. XIX в., связанных с юбилеем Крещения Руси (1888), наиболее выдающимся памятником стал Владимира равноапостольного князя собор в Киеве (1862-1896, декор интерьера - 1885-1896), чье убранство оказало значительное влияние на развитие поздней иконографии В. С. Основные

изображения князя для этого собора были созданы В. М. Васнецовым (икона главного иконостаса рядом с образом кнг. Ольги и в паре с иконой св. Александра Невского, сцены Крещения В. С. и Крещения киевлян в крещальне собора, образы В. С., его жены Анны, Бориса и Глеба в композиции «Преддверие рая» в барабане купола). В. С. представлен в имп. одеждах визант. типа, воспроизведенных с большой точностью (туника, плащ-хламида, стемма с пендулиями). На иконе главного иконостаса он показан старцем с длинной седой бородой, в росписях крещальни - как средовек с округлой бородой. Для академической иконописи этого периода (в т. ч. в связи с распространением имени св. равноап. князя среди населения империи) характерны многочисленные отдельные изображения св. князя (по пояс или в рост) на храмовых и домашних иконах, литографированных листах, иногда на пасхальных яйцах. Среди них преобладают 2 основных иконографических варианта: в одеждах рус. образца, в шапке, напоминающей древние княжеские головные уборы или шапку Мономаха (икона, 1897, ГМИР) и в визант. имп. одеждах. Иконы с изображением В. С. на фоне Киево-Печерской лавры и Московского Кремля

символизировали преемственность Московской Руси по отношению к Киеву (икона кон. XIX в., ГИМ). В число атрибутов В. С. в это время по-прежнему входил крест, иногда свиток с текстом молитвы и лежащие рядом доспехи (хромолитография - Од.: В. С. Тиль и Ко, 1878 (РГБ)). В нек-рых произведениях с помощью поз и жестов, характерных для академической иконописи (возведенные горе очи, приложенная к груди рука) особо подчеркивалась молитва равноап. князя за свой народ. рекомендовалось изображать В. С. в «русском типе», с большой бородой, короткими кудрявыми волосами, кафтане, свите, «венце, схожем с шапкой», со свитком с текстом молитвы за новопросвещенный народ (Фартусов. Руководство к писанию икон. С. 353).

Крещение Руси. Икона. 1988 г. (Музей МП «Софрино»)

Образ В. С. оставался довольно распространенным и в традиц. религ. искусстве XVIII - нач. XX в., следуя позднесредневеков. иконографии князя: погрудное изображение на миниатюре старообрядческой рукописи Жития равноап. кн. Владимира, исполненной на Выге (ГИМ. Муз. 3031, 1-я треть XIX в.) или написанная О. С. Чириковым икона В. С. и московских чудотворцев, поднесенная кн. В. А. Долгорукову от об-ва кремлевских хоругвеносцев (1890, ГИМ). Но в произведениях этого рода иногда проникали элементы иконографии Нового времени: барочная княжеская корона, горностаевая шуба или мантия, тип окладистой бороды без разделения на 2 пряди. В XVIII-XIX вв. образ В. С. вместе с Борисом и Глебом часто встречался на иконах «Собор Киево-Печерских святых» (в центре композиции, символизируя начало рус. Православия, укрепленного печерскими преподобными) и «Собора российских чудотворцев» (2 иконы XIX в., ГТГ). На иконе 2-й пол. XIX в. (Новая Карлсбергская глиптотека, Копенгаген) В. С. изображен в составе уникального житийного цикла кнг. Ольги (в сцене ее перезахоронения). Образ В. С. был довольно популярен в ростовских эмалевых

иконках XIX - нач. XX в. и редко встречался в старообрядческом медном литье (литая икона с образами имп. Константина и В. С. в частном собрании в Германии - 1000 Jahre Orthodoxe Kirche in d. Rus' 988-1988: Russische Heilige in Ikonen. Recklinghausen, 1988. N 9. S. 14-15).

Для совр. рус. иконописи характерно возвращение к средневеков. иконографии В. С. с такими атрибутами, как городчатый венеч или княжеская шапка, шуба или плащ. Образ В. С. включен в новые иконографические изводы, созданные рус. иконописцами XX в., напр. икона «Все святые, в земле Российской просиявшие» работы мон. Иулиании (Соколовой) (1920-1930), икона «Крещение Руси» архим. Зинова (1988), где В. С. вместе с кнг. Ольгой представлен по сторонам ап. Андрея, воздвигающего крест на горах Киевских, а ниже изображены святые киевского периода и Крещение народа.

Лит.: Срезневский И. И. Древние изображения в. к. Владимира и в. к. Ольги // Древности: Археол. вестн. / МАО. 1867. Янв./февр. С. 1-7; Толстой И. И. Древнейшие рус. монеты Вел. княжества Киевского. СПб., 1882; он же. Древнейшие рус. монеты X-XI вв. СПб., 1893; Петров Н. И. Археол. заметки:

Древнейшие изображения св. Владимира // ТКДА. 1887. № 5. С. 64-79; он же. Древние изображения св. Владимира // ТКДА. 1888. № 7. С. 443-462; он же. Древние изображения св. Владимира // Владимирский сб.: В память 900-летия Крещения России. К., 1888. С. 1-20; Петров Н. И., Городецкий М. И. Холмская Русь: Ист. судьбы рус. Забужья. СПб., 1887. С. 6-7. Объясн. к рис. С. 13-14; Цыбульский К. Холмская Русь. Изд. П. Н. Батюшкова. СПб., 1887. [Рец.] // Киев. старина. 1887. нояб. С. 555-556; Лебединцев П. В каком виде могут быть изображены св. равноап. кн. Владимир и св. кнг. Ольга, и имеем ли мы их подлинные изображения? // Там же. 1888. Май. С. 259-264; Смирнов Я. И. Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в. // Тр. XIII Археол. съезда в Екатеринославе, 1905. Т. 2. М., 1908. С. 446-455; Айналов Д. В. О нек-рых сериях миниатюр Радзивилловской летописи // ИОРЯС. 1908. Т. 13. Кн. 2. С. 307-323; Эртель А. Д. Собор св. кн. Владимира в Киеве. К., 1915. С. 41, 60, 67-68, 72, 75-76; Гусев П. Древнейшая новгородская икона св. кн. Владимира Киевского // Изв. комитета изучения древнерус. живописи. Пг., 1921. Вып. 1. С. 9-12; Орешников А. В. Классификация древнейших рус. монет по родовым знакам //

ИАН СССР. VII сер. Отд. гуманит. наук. Л., 1930. № 2. С. 87-112; он же. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936. С. 28-43, 66-80, 86; Syćev N. P. Sur l'histoire de l'église du Sauveur a Neredicy pres Novgorod // L'art byzantin chez les slaves: 10me rec. dédié à la mémoire de Th. Uspenskij. P., 1932. P. 99-103; Окунева И. Шиферная икона XVI в. // СК. 1936. Т. 8. С. 187-192; она же. Изображения св. Владимира // Владимирский сб. Белград, 1938. С. 197-200; Арциховский А. В. Древнерус. миниатюры как ист. источник. М., 1944. С. 13, 14, 31, 35; Розов Н. Н. Настенные росписи на сюжеты древнерус. лит-ры в Воскресенском соборе в г. Тутаеве // ТОДРА. 1956. Т. 12. С. 325-336; Дмитриев Ю. Н. Стенопись Архангельского собора Моск. Кремля: Мат-лы и исслед. // ДРИ. М., 1964. [Вып.:] XVII в. С. 157; Подобедова О. И. Миниатюры рус. ист. рукописей: К истории рус. лицевого летописания. М., 1965. С. 56, 58, 60; Сизов Е. С. Рус. ист. деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в. // ТОДРА. 1966. Т. 22. С. 266-268; Висоцький С. О. Про портрет родини Ярослава Мудрого у Софійському соборі у Києві // Вісник Київського ун-ту. 1967. № 8. С. 35-44. (Сер. історії та права; Вип. 1); Свердлов М.

Б. Изображение княжеских регалий на монетах Владимира Святославича // ВИД. 1972. Вып. 4. С. 151-159; он же. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI - 1-й трети XIII вв. СПб., 2003. С. 254, 255, 293-296, 301-303; Молчанов А. А. К вопросу о худож. особенностях и портретности изображений на древнейших рус. монетах // ВМУ: Ист. 1973. № 3. С. 72-85; Соколова И. Нек-рые замечания по поводу визант. прототипов древнерус. монет // Сообщ. ГЭ. Л., 1975. Вып. 40; Kämpfer F. Das russische Herrscherbild: Von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Recklinghausen, 1978. S. 23-24, 58, 71, 75, 106-111, 231-232, 242, 245; Маясова Н. А. Памятник шитья моск. великокняжеской светлицы XV в. // ГММК. Мат-лы и исслед. [Вып.] 3: Искусство Москвы периода формирования рус. централизованного гос-ва. М., 1980. С. 62-64, 69-70; Рыбаков А. А. Худож. памятники Вологды XIII - нач. XX в. Л., 1980. Табл. 54-55. С. 307; Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода, XV в. М., 1982. С. 193-198, 319; Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России: Свод. кат. рус. монет X-XI вв. Л., 1983; Никитенко Н. Н. Княжеский групповой портрет в Софии Киевской и время создания

собора // ПкНо, 1986. Л., 1987. С. 237-244; она же. Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской: Ист. проблематика. К., 1999. С. 14-64; Пуцко В. Г. Найдавніші зображення св. кн. Володиміра // Правосл. вісник. 1988. № 7. С. 37-41; Высоцкий С. А. Светские фрески Софийского собора в Киеве. К., 1989. С. 45-46, 78-79, 91-97, 101-102; Радзивилловская летопись. СПб.; М., 1994. Т. 1: Факсим. воспроизв. рукописи. Л. 37-74, 163-163 об.; Т. 2: Текст, исслед., описание миниатюр. № 86-158; Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода, XV в. М., 1994. С. 62, 429-435; она же. Борис и Глеб: Иконография // ПЭ. 2003. Т. 5. С. 58-59; Сотникова М. П. Древнейшие рус. монеты X-XI вв.: Кат. и исслед. М., 1995; Маркелов. Святые Древней Руси. Т. 1. С. 362-377. № 70-71, 79-80, 229; Т. 2. С. 77-78; Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского мон-ря 1601 г.: Коммент. изд. / Сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов. СПб., 1998; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. М., 1998. Т. 3 [Печати, зарегистрированные в 1970-1996 гг.]. С. 17; Гладкая М. С. Изображение св. кн. Владимира, Бориса и Глеба в монументальной живописи XVII в. владими́ро-

суздальских храмов // История и культура Ростовской земли, 1998. Ростов, 1999. С. 124-131; Забелин И. Е. Домашний быт рус. царей в XVI и XVII ст. М., 2000. 2 т.; Бусева-Давыдова И. Л., Рутман Т. А. Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М., 2002. С. 68-70. Илл. 57; Попов Г. В. Тема слав. просвещения в миниатюрах Радзивилловской летописи // ДРИ. СПб., 2002. [Вып.:] Византия, Русь, Зап. Европа: искусство и культура. С. 362-375; Самойлова Т. Е. Святые рус. князья в росписи Архангельского собора // Архангельский собор Моск. Кремля. М., 2002. С. 203-204; она же. Тема царской и княжеской святости в росписях Благовещенского собора // Царский храм: Святые Благовещенского собора в Кремле. М., 2003. С. 32; Рязанцев И. В. Скульптура в России, XVIII - нач. XX вв.: Очерки. М., 2003; Сорокатый В. М. Икона «Князья Владимир, Борис и Глеб с житием Бориса и Глеба» // «И по плодам узнается древо»: Рус. иконопись XV-XX вв. из собр. В. Бондаренко. М., 2003. С. 269-280; Пуцко В. Г. Княжение Владимира Великого по миниатюрам Радзивилловской летописи // ТОДРА. 2004. Т. 55. С. 45-57.

А. С. Преображенский

